

ОЛИВИЯ ЛЕЙК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Моя
БЫВШАЯ ЖЕНА

Современный любовный роман

Оливия Лейк

Моя бывшая жена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69580300

SelfPub; 2023

Аннотация

– Я не искал бабу, но не отказался, когда подвернулась! Я хотел развеяться. Встряхнуться. Думал, это поможет перестать злиться. Ты раздражаешь меня, Машка. Бесишь. Я не хочу развода. Я изменил не для того, чтобы строить отношения с кем-то другим. Но честно говорю, что между нами что-то сломалось. Я устал от такого брака. Я хочу рядом ту женщину, на которой женился, а не эту...– Да пошел ты! – Машка бросилась к выходу, но я поймал. – Пусти! – едва спас глаза от ногтей, когда вырываться начала, дубасить, куда попадет. – Пусти, сказала! Я подчинился, но был готов, что снова сорвется. Так и вышло. Только бросилась ни к выходу, а к столу. И схватила мой пистолет...– Не наводи оружие на человека, если не собираешься стрелять.– Уходи.– Так ты убить меня хочешь? – изумленно изогнул бровь. – Тогда сними с предохранителя...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	68
Глава 8	77
Глава 9	87
Глава 10	103
Глава 11	110
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Оливия Лейк

Моя бывшая жена

Глава 1

Кирилл

Вся Лубянка сегодня гудела в «Сент Реджисе». Официанты вышколено вжались в стены, прикрываясь серебряными подносами. Да ладно, еще даже не стреляли! Но они научены не отсвечивать, когда федеральная служба безопасности гуляет.

– Только две звезды упало на его погон, у-у-у... – пропел Илюха, снова вставая. Еще один тост. Я хмыкнул, жену в плечо поцеловал и тоже поднял пятьдесят коньяка. – Твои звезды давно не лейтенантские и слава богу! За тебя подполкан!

Столы загудели, мы опрокинули отменного «Martell XO», и я к Машке повернулся. Она пригубила шампанского, но бокал не поставила, грела в руках, длинными пальцами играла с ним. Ассоциации, пошлые и порочные, совершенно не по случаю, устремились к паху. Меня две недели на голодном пайке держали! Пашка ветрянку принес, а я не болел, ну и отправили меня по известному адресу. Не, не на

хуй, конечно, к отцу с мачехой. Дом у нас большой, но жена у меня медик, поэтому все очень строго.

– Пойдем, потанцуем? – выбора не оставил, на себя потянул и через минуту среди танцующих оказались. – Я соскучился, – и задницу сжал, сминая гладкую ткань.

– Кир, папа твой, вон, смотрит, – мягко шлепнула по рукам и вернула ладони себе на талию. Да, отец пожаловал, поэтому и пафоса столько: генеральный прокурор все-таки.

– Да ладно, – я развернул ее так, чтобы никто не смотрел, спрятал за свою спину. Машка у меня тонкая и грациозная, блондиночка-осиночка, а я медведь: люблю пирожки, рисковать и трахаться. Кормят меня хорошо, служба и опасна, и трудна, секс с женой хорош, вот только мало мне. – Чего ты? – вжал в себя, стояком нежный живот тараня. Пусть чувствует и краснеет. Прямо как сейчас. Тридцать лет уже, а все как девочка.

– Субботин, ты как озабоченный неандерталец! – воскликнула, но не отстранилась, наоборот потерлась. Тоже соскучилась.

– Конечно! Давай почаще и все будет тип-топ.

– Тебе живется, что ли, плохо? – стукнула в плечо.

– Машка, – обнял крепко и в ухо зашептал, – я хочу нормально, без этих: побыстрее, потише, Пашка зовет.

Дети вносили коррективы в жизнь родителей, сексуальную в том числе. У нас пацан шестой год пошел. Нормальный. Но Машка носилась с ним, как с девчонкой сопливой!

Первые годы понятно. Она карьеру, силы, время положила, чтобы он здоровым рос. Родовая травма. Машка себя винила, что вышло так. Глупость как по мне. Но женщины существа мнительные.

– Маха, я номер снял, – начал к выходу ее теснить, – вся ночь наша: с криками, стонами, влажными шлепками...

Ночь шальная. Наша. Давно у нас так не была, а хочется. У меня верхняя голова отключилась, кровь вздулась и бурлила исключительно в районе нижней.

– Кир, подожди. Телефон.

Маша достала из крошечной сумочки, болтавшейся на запястье, мобильный. Ну кто там еще?!

– Слушаю, Зоя Степановна. Что с Пашей?

Я напрягся. Ну каково, а?! Я ж няньке оплатил всю, блядь, ночь! Ну неужели с пацаном пятилетним справиться не может?! Уволю нах, старую перечницу!

– Кир, у Паши голова болит, уснуть не может...

– Ну и?! – вспыхнул я.

– В смысле «ну и?»! Это и твой сын, Субботин!

– Я в курсе, только не пойму, что ты пляшешь вокруг Пашки! Он к тебе хочет и знает, как этого добиться, а ты ведешься!

– Не начинай, а.

– Это я еще и начинаю?! – ну, отлично!

– Ты со мной или как? – прохладно поинтересовалась. Я ненавидел, когда она такой становилась: непрístupная ледя-

ная королева. Профессорская дочка, а я быдло фсбэшное. Хотя меня этикет-шмитекетам учили, будь здоров. Мама, царствие ей небесное, и гора репетиторов.

– О! – к нам подвалили мужики. – А вот и наш подполкан!

– Без меня никак! – обнялся с ними и послал ей раздраженную улыбку. – Влад, дежурит. Он тебя отвезет.

Машка уехала, а мне праздник не в радость: тосты, жрачка, веселье. Зато гости довольны. Любят банкеты за чужой счет. Абрамов вообще прилично накушался.

Я скривился. В попойках управы меня раздражало две вещи: когда блюют и быдлят. Я глазами нашел его жену, Марину, домой пора им. Мы с Абрамовым по работе особо не пересекались – разные весовые категории, – он у Ильи в отделе служил. Иногда их семья примыкала к нашей компании, отдыхали вместе. Приятельствовали, но меня раздражало его стремление примазаться к чинам и званиям. Был бы бабой что, задом нам подмахивал ради продвижения?

Китель снял и на улицу вышел. Курить охота. Чиркнул зажигалкой, затянулся глубоко, шею размял и к колонне прилонился. Ночь такая теплая. Для начала лета – сказка. Жаль пропадала. Машка, сучка, продинамила. Эх. Ничего, еще часик, потом домой приеду и не слезу с нее, пока пощады не попросит. И все равно не слезу.

– Можно сигаретку? – рядом неожиданно нарисовалась Марина Абрамова. Мы не особо общались, когда бывали в одной компании, но бабой она была приятной, в отличие от

своего мужа.

Я достал сигареты. Она прикурила.

– Спасибо.

– Твой Антошка все, картошку собирать пошел? – кивнул в сторону. Там реально святых выноси. Марина глаза закатила. Докурила. И снова сигарету попросила.

– Прости, Кирилл. Я ему говорила, но он меры не знает. Ты ведь не любишь пьяных...

– Откуда ты знаешь?

Да, это было правдой. У меня мать погибла, потому что в ее машину бухая мразь въехала.

– Маша как-то обмолвилась, а я запомнила. Где она, кстати?

– Уехала, – ответил резко, не сдержал раздражения. – Сын приболел.

– Понятно, – понимающе кивнула. – У нас Настя тоже чуть что с соплями. Я уже забила и в школу отправляю, как есть. Первый класс, пусть учится.

– У нас пацан. Маша его разбаловала, капец.

– Бывает, – понимающе согласилась Марина. – Блин...

Я тоже заметил, что Антон барагозить начал, напрягая портье возле входа в отель.

– Мне его всю ночь слушать, – обреченно прошипела.

Успокоить бы его парой оплеух, да свидетелей много.

– Ребят, – я поманил секьюрити, которые предпочитали не мешать развлекаться высшим чинам, но этому можно на-

вешать. Птица не того полета, – отведите гостя наверх, – потом портье поманил. – В свободный стандарт закиньте его, ок, – и всунул ему оранжевую пятеру.

– Сделаем.

Я вернулся к застывшей у нарядного фасада Марине.

– Сегодня можешь отдыхать. Проспится и вернется.

– Спасибо, Кирилл. Правда. Стыдно так...

– Да не парься, – махнул расслабленно. – Иди лучше, потанцуй, – и тоже вернулся в банкетный зал. С отцом посидели. Пропустили по рюмочке. Попрощался с ним, мачеху приобнял. Сестра, зараза мелкая (хоть и старшая) не пришла – отпуск у нее. Ну да ладно, позже отметим. Мы с ней умеем.

Я поднялся в номер, который приготовил для нас с Машкой. Все по фэн-шую! Шампанское в серебряном ведерке, крупная клубника, сладкая, блестящая, как у кота яйца. Ювелирочка, куда же без нее. Маша никогда не носила часов, вдруг захотела. Намек понял и принял. Я вообще не мастер по романтике, но постарался. Точнее, заплатил, чтобы персонал сделал все по красоте.

Коробочку в карман положил, клубнику хотел попробовать, освежиться, да стук в дверь отвлек:

– Ты как здесь?

– К тебе, – и бутылку коньяка показала. – Можно посидеть с тобой? Просто поговорить.

Я смотрел на нее долгим нечитаемым взглядом, отработанным годами. Я уже восемнадцать лет в силовых структу-

рах, ровно половину прожитой жизни, и чутье у меня отменное. На все. В том числе на бабский интерес. Я с подросткового возраста ощущал его. С детства в спорте, к пятнадцати вымахал вровень отцу, ну и не совсем урод, что уж тут. Мне девок клеить всегда легко было. Я для них плохим парнем был, который умел делать хорошо. Риск, адреналин, оргазм. В прошлом это все, конечно, но не все женщины это понимали.

Марина в принципе неплохо маскировала заинтересованность, прятала ее, возможно, даже сопротивлялась, но сегодня решила подобраться поближе. И ведь симпатичная: темные волосы блестели, мордашка славная, фигура вполне себе. Чего Антону не хватало? Лучше бы жену драл, чем с бутылкой обнимался.

– Ну, проходи, – отступил, пропуская в интимный полумрак. Никаких крамольных мыслей у меня не было, а в остальном я не тот человек, которого можно изнасиловать.

Марина осторожно прошла в номер, осмотрелась, скинула туфли на высоком каблуке и с ногами забралась в кресло. Платье достаточно скромной длины, но лодыжки с коленями оголились. Она, кажется, этого не заметила, а я... есть чуть-чуть. Настроение у меня смещено в сторону эротики, везде чудится.

– Я так жалею, что вышла замуж за Антона. Не всегда, но иногда накатывало.

Я разлил коньяк и подал ей бокал. Марина сделала боль-

шой глоток.

– Я очень люблю Настю. Иногда, конечно, бесит это щастье материнства, но жизни без нее не представляю, но порой хочется все бросить...

– Зачем ты мне это говоришь? – пригубил терпкого двадцатилетнего. Хорош, согрел изнутри, но не затуманил мозг. Не знаю, почему, но я никогда не мог напиться. После смерти матери с алкоголем все сложно: иногда выпиваю, редко, но бывает. Иногда, правда, нажраться хотелось. Так, чтобы себя не помнить, но не выходило. Организм сопротивлялся: моему разуму и телу нужен полный контроль. После того случая с пидором-водилой... Я чуть не убил человека. Не по долгу службы, не на задании, а потому что ненавидел, сдержаться не мог. Отец помог, отмазал, карьеру не похерел, но внутри стоппер появился – не терять контроль над эмоциями, владеть собой или быть беде.

– Потому что тебе плевать, – бесхитростно ответила Марина. – Подруги жалеют. Мать тычет, что я зажралась, что я реальных алкашей не видела. Настя маленькая, с ней не поделиться. А ты просто терпишь мою болтовню.

Я хмыкнул невесело, жену вспомнил: наверное, идеальных браков не бывает, в каждой семье свои тараканы. У нас, увы, тоже все не идеально. Раздражаемся, бесим друг друга порой. У нас обоих сильный характер: Маша никогда не прогибалась, а меня выматывало противостояние. На работе борешься. Домой приходишь и тоже борешься! Мы с ней

стопроцентные противоположности: если я хочу в одну сторону, Машке обязательно нужно в другую. Я не уступаю, ибо мужик, но она-то чего! Баба ведь! И тем не менее ни на какой другой я бы не женился. Люблю вредную заразу!

– А у вас как? – тихо шепнула Марина.

– По-разному, – бросил, залпом опрокидывая в себя коньяк. – Как у всех.

Я не стремился вывалить свои семейные проблемы, но не без интереса слушал Марину. Что даже откликалось. Совершенно с моими мыслями было.

– Ладно, поеду домой. Поздно уже. А этот, – кивнула куда-то в сторону, – пусть дрыхнет.

Она поднялась, сделала шаг и, потеряв равновесие, упала на меня. Прямо на колени прилетела.

– Ты пьяна.

– Есть немного, – улыбнулась она, убирая волосы с лица. Пах потянуло запретной тяжестью. Я собирался сегодня трахаться. Номер этот снял, романтик ебучий устроить хотел. Для жены. Для Машки...

Жена. О ней думать не получалось. Помутнел образ, завеса похоти накрыла его. Как тут сосредоточиться, когда по стволу ерзают?! У Марины были закрыты глаза, а голова лежала у меня на плече, но в отключке не была... Ее бедра плавно покачивались, насаживаясь на шишку через брюки.

Моя рука инстинктивно поползла вверх по гладкому бедру, ладонь споткнулась о резинку чулок, потом разгорячен-

ной промежности коснулись. Я сжал лобок через белье и безошибочно нашел возбужденный клитор. Поглаживать и надавливать, кружить подушечкой большого пальца начал. Полоска трусов сочилась соками, дыхание сбилось, мои плечи горели от вцепившихся в них пальцев. Ширинку разрывало, ствол на волю просился, хотел жарко и горячо. Жестко и грубо. Сладко и медленно. Везде хотел. Блядь!

Марина откинула голову и томно выдохнула, вибрируя внизу, как напряженная пружина, которую наконец послабило. На моих пальцах блестела смазка. Много. Давно не еблась, что ли? Марина глаза нехотя открыла и потрясенно ахнула. Соскочила резво, платье поправляя.

– Кирилл, блин! Блин! Мы напились и... и...

Я тоже поднялся. Член поправил, хоть чуточка ослабляя давление. Тесно мне в одежде! Платок достал и руки вытер.

– Не было ничего, – пригвоздил взглядом. – Ничего не было, ясно?

Она энергично закивала, обнимая себя руками. Ну прямо невинная овечка. Сама пришла, кончить успела, а теперь глазами хлопает!

– Да ладно, чего ты? Кайфанула же, – саркастично напомнил. Текла ведь. Как текла, бля... Я огромным усилием воли не нагнул ее прямо сейчас и не трахнул. Ведь не отказала бы, наоборот, кричала, просила, чтобы посильнее и подольше.

В голове мутно, а в брюках жизнь ключом била. И с этим нужно что-то делать. Совесть свою успокоил тем, что не ты-

кал членом ни в одну живую женщину, помимо жены. Я только в кулак дробил. Мало мне быстрых пары раз в неделю. Мало!

Достал телефон и такси вызвал. Для Марины. Меня водитель отвезет.

– Сейчас машина приедет, домой поедешь.

– Кирилл, – замялась Марина, – мы ведь это... Почти...

– Забудь я сказал, – бросил и ушел. Домой поехал.

Было почти три часа ночи. Я бесшумно поднялся в спальню, в ночном сумраке снял парадный мундир, полчаса дороги ничуть не уменьшили моего желания, а сонная длинноногая со вздернутой кверху попкой Машка срывала резьбу. Будить не буду, так возьму. Сзади.

– Черт! – тихо выругался, заметив темную голову, вынырнувшую из-под одеяла. На моем месте! Сколько раз говорил, что не нужно брать Пашку в нашу постель! У него своего комната. Охрененная, кстати!

Я разозлился, в гардеробной трусы взял и в ванную пошел. Завтра всем устрою разбор полетов. Машке, Пашке, Зое Степановне.

Я полностью разделся, закинул белье в корзину, телефон бросил на столик со всякой пахучей ерундой, вывернул ручку душа, почти забрался, но телефон мигнул сообщением.

Спасибо

Номера я не знал, но аватарка не обманула. За что она меня благодарила: за мужа, оргазм или такси? Так разве благодарят?!

Спасибо на член не натянешь

Написал и бросил мобильный. Психанул, да. Искупаюсь и удалю, от греха, как говорится. Вода обожгла спину, по лицу хлестала пощечинами. Ну да, я козел, пощекотал бабу левую, но мог и больше позволить себе, и никто бы не узнал, но я к жене ехал. Ее хотел! А она спит. Еще и с сыном. Знала же, что приду и захочу. Специально, что ли?!

Вытер лицо, полотенце на плечи набросил, настроение дерьмовое. Потянулся к телефону, там еще одно сообщение. Видео. Я ударил по значку воспроизведения.

— Ебать... — протянул, жадно рассматривая картинку. Одна ножка на бортике ванны, съемка снизу, нананикюренные пальцы медленно разводят темно-розовые половые губы, клитор теребят, внутрь ныряют. И тихий стон. Марина жжет...

Интересно, чей хер представляла? Я завелся. Руку на корень положил и пару раз провел, сжимая крупную головку. Хорошо. Разрядку хочу. Я трижды гонял видео. Всего пять секунд. Так мало. Но я кончил. Бурно. Вся раковина в сперме.

— Блядь.

Удалил нахер все: следы и переписку. Потом вернулся в спальню. Сына подхватил и в детскую отнес. И под бочок к жене. Утром от нее свое возьму, сейчас немного попустило.

Глава 2

Маша

Я проснулась от того, что мои груди жадно мяли. До боли, до острого чувства нужности. В ягодицы уперлось недвусмысленное доказательство, что муж действительно соскучился. Кто ж ему виноват, что ветрянкой не болел и не прививался!

– Ты во сколько вернулся?

– Неважно, – прорычал и трусики стащил до колен, рукой между ног скользнул, возбуждая, подраживая. – Машка, трахаться хочу... – и на полную ворвался, не продохнуть. Рукой клитор массировал, так уверенно и ловко, что я поплыла сразу. Весь дискомфорт от резкого вторжения прошел. – Хорошо, правда? – шептал мне на ухо, покусывая шею. Я повернулась и губы подставила: целоваться хочу, по-взрослому. Мы так много позволяли себе в постели, но когда последний раз в засос целовались. Не вспомнить.

– Мама, я пласнул! – услышала сквозь стук крови в ушах. – Можно к вам?

Я буквально соскочила с Кира, одеялом прикрылась, отдышаться не могла.

– Да блин! – взвыл Кирилл. – Семь утра, ну что тебе не спиться?!

– Мам, а почему папа такой злой? – бесхитростно поинтересовался сын.

– Папа не злой, – надавила взглядом на мужа, – просто он не выспался. Поздно лег. Паш, иди на кухню. Сейчас блинчики печь будем.

– Здолова!

Как только Паша выбежал из нашей спальни, Кир вскочил. В чем был. Точнее, не был ни в чем. Он все так же возбужден физически, но сейчас от него исходили волны раздражения.

– Маш, что за херня? В доме теперь что, только туалет мое место?

– Кир, ну ты что передергиваешь? – я пыталась замять нарастающую ссору. Но муж никогда не шел на уступки. Никогда не делал шаг навстречу. Сначала принимала это спокойно, списывала на властный характер, но я тоже человек со своим мнением. Я не всегда бываю права, но и Кир тоже. Только я готова это признать, а он нет.

– Да! Я передергиваю! Только и осталось это! Может, ты передернишь, а? – и мощным членом мне в лицо ткнул. Я бы не против, но не с такой агрессией. Кир всегда был доминантен, но не жесток. Я оттолкнула его и поднялась. Халат накинула, завязала и вышла. Пусть остынет.

Были ли у нас проблемы? Были, конечно. Как у многих, кто прожил в браке не один год. Как у многих, у кого сложные дети. Как у многих, кто устает и не боится этого при-

знать. Я очень любила мужа, сына, свою семью, но отдавала отчет, что между нами пропало понимание. Не знаю, когда это произошло, но не хочу, чтобы проблема прогрессировала. Нашему браку нужна помощь.

– Зоя Степановна, вы уже встали?

У нас была хорошая няня: тридцать лет в педагогике, Пашка любил ее, со своим уставом не лезла никогда. Мы пользовались ее услугами, когда нужен свободный вечер или мне нужно по делам, а сын дома. Вчера Зоя Степановна позвонила, потому что я велела. У Паши до сих пор случались приступы сильных головных болей. В такие моменты только от меня брал таблетки и со мной рядом успокаивался. Сейчас приступы намного реже. Раньше случались чаще. Врачи твердили, что перерастет. Или нет. Как карта ляжет. Меня не устраивал такой вариант. Я хотела точно знать, что мой сын будет здоровым. Ведь моя вина, что так вышло тоже была...

– Да. Машенька, простите, что не услышала, как Павлуша встал. Что к вам в спальню побежал...

Неужели слышала, как кричал Кирилл? И Паша слышал. Это самая болезненная тема. Мои мальчишки не могли поделить меня. Оба ревновали. Отдалялись друг от друга. Это моя боль. И прокол как жены и матери. Я не смогла грамотно построить взаимоотношения между ними. Но если Паша просто еще маленький, то Кирилл в принципе не хотел работать в этом направлении. Потому что он мужик и у него все под контролем. Это я сына воспитываю не так. Вот если

бы он! Вот тогда бы да! Только у него времени нет.

– Все хорошо, Зоя Степановна. Я блинчики пока испеку. Накроете на стол в беседке? Вы же позавтракаете с нами?

– Ой, балуешь ты меня, Мария.

– Да бросьте, – и сыну крикнула. – Паша, иди умываться! А то без блинов останешься!

Я замесила тесто, сковороду поставила на плиту. На поднос мед, варенье и сметану. Такая чудная погода. Чувствую, лето будет жарким.

– Блины? – Кир подошел сзади, через плечо заглянул. Обнял, к себе прижал. – Прости, Маш. Перегнул, согласен.

Субботин извинялся? Что-то большое в лесу умерло.

– Но и ты не права. Носишься с Пашкой.

Ан-нет, показалось. В лесу все живы.

– Он пацан, а ты девчонку сопливую из него растишь.

– Так расти мужика, Субботин, – обернулась в его руках. – Расти. Я ж не против.

– И пойду. Зарядку делать будем. А с тобой, – за грудь схватил и сжал, – вечером разберусь.

Я вышла с блюдом пышных блинчиков во двор. Солнце уже было высоко. Беседка утопала в зелени, небо кристально чистое, как и воздух. Мы жили на Соколе, в поселке Художников. Кир получил участок в подарок от отца, Павла Аркадьевича, но дом строил практически лично. Контролировал все. Ему хотелось, чтобы внутри было сочетание комфорта и удобства, а отделка снаружи времен Щусева и Марковни-

кова. С высокой крышей, мансардой, широкими сводами и деревянными окнами. Настоящими! Никакого металлопластика!

– А где мои мужчины? – спросила у Зои Степановны.

– У бани, – головой покачала. – Прохладно все же закаляться, – и добавила: – Я считаю.

Я ничего не ответила. Просто пошла в сторону сруба. Банька у нас была хороша: русская, душистая, жаркая, с венниками березовыми. С каким наслаждением иногда по бокам мужа проходилась, ух!

Два красавчика: один огромный, сильный, мощный, как медведь, второй щуплый мальчишка, дрожавший осиновым листом. Сын у нас образовал симбиоз из внешности папы и мамы. Темные волосы отца, а глаза мои, серо-голубые. Подбородок такой же упрямый как у Кира, а губы бантиком, как у меня.

– Не холодно еще?

Я сдержала желание наорать на него. Июнь теплый, но не настолько, чтобы обливания устраивать.

– Нормально, да, Паха? – и долбанул его по спине тяжелой рукой. Сын энергично кивать начал, а у самого зуб на зуб не попадал.

– Давайте вытираться и завтракать, – предложила, чтобы ни одно мужское эго не пострадало.

– Не, мы еще отжиматься будем.

– Ну ты отжимайся, а мы с Пашей пойдем блины лопать, –

и поманила сына. Он бросился ко мне на руки. Дрожал, жался, согреться хотел. Мой мальчик. Я так любила его. Хотела. А еще хотела до декрета закончить ординатуру. Мне было двадцать четыре, когда забеременела, год оставался. Я пахала в больнице до самых родов. По пятнадцать часов на ногах. Гипертонус, нервы, хронический недосып – а еще акушер-гинеколог. Все бежала, торопилась, думала, после декрета выйду и сразу врачебную деятельность начну. Как итог сложные роды прямо во время смены. Из-за моего упорного желания родить самой, сын получил травму шейных позвонков. Как он плакал первые месяцы жизни. Как меня грызло чувство вины. Спасибо Киру, ни разу не упрекнул, поддержал, врачам платил. Я подняла всех. Он оплатил все. Мы практически справились. Практически. Вот только друг друга терять начали...

Я услышала, как громко фыркнул муж, но не обернулась. Мне казалось, что до определенного времени дети – это дети, неважно, какого пола. Мальчикам можно плакать, их можно жалеть, их нужно любить.

– Мам, а почему папа меня девчонкой называет? – надулся Паша, кутаясь в полотенце. – Я не девочка! У девочек пися другая!

– А ты откуда знаешь? – изумилась я.

– Вела в садике показала. У нее нет кланика, но я все лавно учил ее писать стоя.

Я расхохоталась и обняла его. Садик – отдельная тема:

у нас сопли перманентно, а ковид заставил всех перестраховываться, поэтому мы с Пашкой неделю ходим, три дома. Недавно, вот, ветрянку принес. Поэтому работать полноценно не получалось, так, чтобы навык не терять на полставки гинекологом подрабатывала, практически бесплатно. Не ради денег, только для опыта и практики. Я очень надеялась, что скоро иммунитет сына адаптируется, и я смогу начать работать. Я восемь лет отдала медицине. Я мечтала стать врачом. Но свою семью я люблю больше, если я им нужна, значит...

День мы провели вместе, но я кожей ощущала нетерпение мужа. Няня уехала, Пашу я уложила. Мне переданся кураж Кира, поэтому практически вбежала в спальню, на ходу избавляясь от одежды. Муж стоял в одних шортах, смотрел в окно. По мускулистой спине медленно сползали капельки воды. Я скинула топ и прижалась голой грудью. Соски затвердели, болезненно чиркнули по его пылающей коже.

– Наконец-то... – резко повернулся и поцеловал меня. Так жадно, как давно не делал. Потом толкнул на кровать и снял шорты. Член налитой в руке взвесил.

– Трусикиними, – приказал хрипло. Я подчинилась. – Пальчиками со складочками поиграй.

Я призывно раздвинула ноги, медленно облизнула кончики пальцев и опустила на лобок. Кровь огнем бежала по венам, порочным жаром оседая в самых чувствительных местах. Клитор болезненно реагировал на мои прикосновения.

Он хотел не руки, а головку, упругую и гладкую. Муж дразнил меня, демонстративно мастурбируя. Показывая, как он хочет, как его разрывает от желания.

– Иди ко мне, – поманила, выгибаясь, показывая, что предложить ему могу.

– Машка, трахать всю ночь буду.

– Мама! – услышала из детской. – Мам, мне холодно.

Я села и на дверь посмотрела.

– Кир...

– Нет, – рывкнул и ко мне в плотную подошел. – Покричит и уснет. – Головкой по губам водить начал, размазывая прозрачную каплю вожделения. Соски больно пощипывая. – Я хочу тебя. Везде хочу. Сдохну, если не... – надавил и проскользнул в рот. – Какой кайф, Машка. Кайф, – ускорился, проталкиваясь глубже. В волосы зарылся двумя руками, жестко зафиксировав голову. Не вырваться.

– Мама, мне плохо, – снова жалобное.

Я попыталась отодвинуть бедра мужа, но он еще жестче, агрессивней трахал меня в рот.

– Пусти, – наконец вырвалась. – Я так не могу, Кир!

– Я блядь тоже так не могу! Здесь скоро жить невыносимо будет! – в сердцах выдал.

– С нами? – тихо уточнила я, натягивая одежду. – Ну что молчишь?

Кирилл только громко языком щелкнул.

– Я укрою его и вернусь, – проговорила. Мне кажется, нам

пора серьезно все обсудить. Что-то не то с нами происходит.

– Можешь не торопиться! – бросил в спину. Обидно. И больно. Мы оба родители, но виновата я.

Детская была соседней, но комнаты большие, а шумоизоляция хорошая, поэтому в спальне мы чувствовали себя вполне комфортно. Но, если орать, то услышать можно все.

– Ну что случилось? – подошла к кровати в виде бэтмен-мобиля. Свет не зажигала, наощупь коснулась сына. – Да ты горишь...

Потрогала ноги и спину. Горячий, а ступни ледяные.

– Мне плохо и голова снова болит.

– Сейчас, милый, сейчас, – бросилась в гардеробную под изумленный взгляд мужа, сумку свою взяла и обратно к Паше.

– Что такое? – услышала обеспокоенный голос Кира.

– У него жар, сознание спутанно, – проверила зрачки. – Здесь больно? – коснулась затылочной части.

– Да, – Пашка держался, не хлопал носом, но слезы катились по щекам.

Черт, у него еще вчера голова болела, но я не придавала значения, думала, все как обычно.

– Вызывай скорую, – посмотрела на мужа, – ребенок пять лет, подозрение на менингит. – Я сама чуть не плакала.

– Давай отвезу...

– Кир, вызывай скорую! – прикрикнула я.

Он скрипнул зубами, но подчинился. Я начала собирать

Пашу и себя.

– Это я виноват? – он поймал меня за руку, когда доставала документы для госпитализации. Он уже был собран. С нами хотел, но его не возьмут. И в инфекционку не пустят.

Я поняла, о чем он. Мы долго друг на друга смотрели, потом я ответила:

– Нет. Не ты.

Кир с силой сдавил челюсти, скулы буквально разрезали кожу, настолько ярко проступили. Казалось, он мне не поверил, но у меня не было времени баюкать его раненое эго. У меня ребенку реально плохо!

– Приехали.

Кирилл схватил сына, и мы пошли встречать скорую.

Глава 3

Кирилл

Я приехал домой ближе к утру. Моих отвезли в детскую инфекционку. Я ехал за ними. Меня действительно не хотели пускать, но удостоверение подполковника ФСБ открывало двери. Не все, но многие. Мне позволили поговорить с врачами: я оплатил все возможные расходы, дал на лапу, чтобы у них все лучшее было. Меня заверили, что диагноз пока не подтвержден, но в любом случае врачи хорошие и сделают все, чтобы Пашку вылечить. И тем не менее поднял связи в медицине. За пять с лишним лет после рождения сына мы обросли ими выше крыши.

– Валерий Иванович, приветствую, – я позвонил лучшему неврологу столицы, – надеюсь не разбудил? – пять утра, кто ж спит!

– Я на дежурстве, Кирилл Палыч. Все в порядке. У вас что-то случилось? С Павликом?

– Да. В больнице он. – Я взлохматил волосы, вспоминая весь вчерашний день от обливания до жесткого минета, который устроил жене под плач сына. Мудак. Первостатейный. – Подозрение на менингит...

Я рассказал все, что знал. Доктор уверял, что в детской инфекционной на Академической хорошие врачи. Он и сам

там работал одно время.

– Я свяжусь с коллегами. Мы все устроим, – уверил невролог. Мне стало немного легче. Но не настолько, чтобы лечь спать. Я начал гуглить про хренов менингит. Лучше бы не читал.

Глухота, слепота, судороги, нарушение умственного развития, паралич. Смерть. А-аа, блядь! Мне было страшно. Если что-то с сыном произойдет... Или с Машкой... Я ведь люблю их. Глупость сморозил, взболтнув, что мне невыносимо в нашем доме. С ними. Мне хорошо. Просто отлично! Так и должно остаться! Мне всегда казалось, что я, по сути, вольный странник, привлекала меня такая жизнь, в разведке поэтому нравилось, но сейчас мне эта свобода нахрен не нужна.

В голове стрелой пронесся эпизод с Мариной. Сначала ей подрочил. Потом на нее. Вряд ли это понравилось бы Машке. Мне бы точно не понравилось, если бы какая-то падла руки к ней под юбку запустила. Или если бы ласкала себя на камеру не для меня. Убил бы. Обоих. А Марина? Ну было и было. Я женат. Она замужем. Никто не узнает. Да и что, собственно, было? Для мужика ничего особенного. Это она позволила себя трогать. Марина промежность передо мной оголила. Я чист. Она даже члена моего не видела. Позиция мудацкая, но другой у меня нет. И пеплом голову посыпать не собирался. Я вообще против правды, которая может испортить жизнь.

Я вышел покурить, когда позвонила Маша.

– Что-то случилось? – ответил сразу. Страшно. Мне было страшно.

– Все нормально. Пришли анализы. Менингит не подтвердился.

– Фух, – выдохнул с облегчением. – Слава богу. Так, а что тогда?

– Ковид...

– Мать твою, час от часу нелегче!

– Не волнуйся. Мы под наблюдением. Жар спал. Продержат, правда, две недели.

– Черт, и как я тут без вас. – проворчал, но с таким облегчением. Ковидом я болел. Тяжелый грипп, но не смертельно. Ведь не смертельно? – Маш, все ж нормально будет с Пашкой?

– Нормально. Ты спал?

– Неа, про гребанный менингит читал. Валерий Сергеечу позвонил даже.

– Не волнуйся и поспи. Я позвоню. Я люблю тебя, Кир.

– Я тоже, Машка. Вас с Пашкой очень люблю.

Выбросил сигарету, в душ пошел, через пять минут меня вырубил, стоило упасть на кровать. Сколько пролежал в отключке – не понял. Снова телефон разбудил.

– Спишь, что ли? – удивился Илюха.

– Угу, типа того. У меня выходные. Тебе чего?

– Ты забыл? Мы сегодня у меня на даче собираемся. Годик Миренка нашего отмечаем. Давай, бери своих и приезжайте.

– Маша с Пашкой в больнице. Ковид, прикинь? Плохо ему ночью стало. Я так перетрухал.

– Сочувствую. Пусть выздоравливает. Твой парень боец. Я в нем уверен.

Илюха друг близкий, сына моего крестил. Его поддержка важна и приятна.

– Ну ты давай, не кисни и к нам приезжай. Что тебе тухнуть одному, а?

Я прикинул время между нашим домом и западом Подмосковья – решил рвануть. Завтра на службу, посидим чутка и по домам.

Дороги были пустыми – через час остановился у загородного дома Озерских. Стояло несколько машин. Я, естественно, не единственный гость. Загнал свой «Аурус» под козырек и нажал на кнопку домофона. В воздухе до одури пахло шашлыком: рот моментально слюной наполнился, а в животе заурчало, напоминая, что я ничего не ел сегодня.

– Приехал! – Илья с руками, испачканными маринадом, побратался со мной.

– Из подарков у меня только пятидесятилетний «Чивас Ригал», – кивнул на бутылку.

– Пойдем, будем вискарик под шашлычок вкусно очень. В гостях были родители Сони, жены Илюхи, несколько товарищей из его отдела и... Антон с Мариной.

– А Абрамовы откуда здесь? – спросил вроде как между прочим. Не то чтобы меня смущало что-то, но адреналин

ударил по нервам.

– Да Антон позвонил, слово за слово и приехали.

Я слушал вполуха, потому что Марина вышла из дома с блюдом нарезки и шла к нам. Обтягивающие джинсы и короткая майка, оголявшая живот, волосы в хвосте, на губах робкая улыбка.

– Я вам закуску принесла, мальчики, – поставила рядом блюдо. На меня быстрый взгляд бросила и, виляя задницей, пошла в беседку. Хорошая жопа. Подумал чисто инстинктивно.

– Спасибо, Маринчик, – бросил Илья, переворачивая шампура. – Как там Маша? Сильно переживает?

– Как обычно, – ответил и сухо добавил: – Машка всегда сильно переживает.

Илюха поднял голову и очень внимательно на меня посмотрел:

– У вас как вообще?

– Нормально. Не знаю. Кризис у нас, похоже. Хотя я не верю в кризисы.

– Вы ж не разводитесь, надеюсь?! – ошалело уточнил Илья.

– Сплюнь! – оборвал я. – Я люблю жену. Сына люблю. Ты же помнишь, что жениться в принципе не собирался. Какие профессиональные планы у меня были. Потом ее встретил и даже вопроса не возникло, когда забеременела. Я ради Машки всю жизнь перекроил и не жалею. Просто... Не

знаю, встряска нам нужна, что ли. Вместе отдохнуть, может. Без мелкого.

Неожиданно вспомнил про часы. Я ведь так и не подарил их. Жене и сыну все покупал. Ни в чем отказа не знали. Дом – та самая полная чаша. Но все это данностью стало. Я в принципе тот еще романтик, а сейчас вообще одна бытовуха. Даже дорожные украшения у меня как за здравье. Не умею я красиво обставлять. Вот попробовал в первый раз за много лет и нихрена не вышло. С женой до номера не дошел.

С другой зато дошел...

Внутренний голос не хотел забывать. Но не ясно как к этому относилось подсознание. Не ясно. Ладно выпишут моих и подарю Машке часики: «Картье», белое золото и бриллианты, ей подойдет. Моей жене шло все самое лучшее.

– У нас тоже после рождения дочки времени друг на друга в обрез. Видимо, так у всех, – развел руками Илья. – Мы выпьем или как?

Я разлил виски на два пальца, осмотрел блюдо с колбасами – аппетитно. Бастурма, прошутто, сыровяленое мясо, бекончик. А вот Маша всегда добавляла еще крекеры, крупные оливки и сочные черри на ветке. Я подхватил вилкой колбаску, выпить уже хотел, но у меня зазвонил телефон. Машка.

– Все нормально? – спросил вместо приветствия. Мало ли...

– Все хорошо. Паша уснул, – мягко сказала. – Я хотела спросить про вещи. Смену белья привезешь нам? Две недели куковать здесь, без права на досрочное, – тихо пошутила.

– Черт, Маш, я забыл. К Илюхе поехал, сегодня годик Ми-ре, помнишь?

– О-оо... Понятно.

Ничего ей не понятно! Таким голосом сказала, словно я тусить в сауну с бабами поехал!

– Маш, не начинай, лады? – я прошел через беседку с гостями и спрятался в низине под ивой. – Завтра передам.

– Окей, отдыхай, – и отключилась, сучка! Нет, так не пойдет! – Что за показательное сбрасывание? Меня к вам не пустят все равно. Я все сделал, Маш, чтобы у вас с Пахой полный all inclusive был. Ну забыл я про твои трусы и что?

– Я сказала, все нормально. – Конечно, сказала. А каким тоном, блядь! Просто песня!

– То есть нужно, чтобы я дома сидел и страдал, да? Тогда ты удовлетворена будешь?

– Причем тут это! Причем тут деньги. Иногда поддержка важнее. Обычная, человеческая, нематериальная. Ладно, отдыхай. Привет Озерским, – и отключилась.

Черт! Как ей это удастся?! В хлам разьебала парой фраз! Она, значит, мать-героиня, а я сволочь равнодушная!

– Кирилл, – услышал приглушенное сзади, – все за столом. Тебя ждут.

Я мельком бросил взгляд на Марину и сжал телефон до

хруста. Пропал у меня аппетит.

– Все нормально? – подошла ближе и плеча моего коснулась. Нежно так.

Так муторно стало. Не от ее прикосновений, от жизни своей. Легкости охота. Которая раньше была. Хотя бы иногда и совсем немного.

– Нихрена не нормально, – ответил хрипло.

Марина молчала, продолжая гладить мои руки: очень медленно, очень ласково. Она бурно дышала, на щеках румянец, а в глазах такая тяга. Во мне тоже шевельнулось желание. Как просто было раньше схватить понравившиеся девчонку, уехать в закат и гудеть всю ночь. Ностальгия по свободе накатила неожиданно, поэтому не сразу среагировал, когда Марина подошла совсем близко, руки на шею мне забросила и потянулась к губам.

– Стоп, – я убрал ее руки. Не хватало еще, чтобы нас вместе увидели. Последнее, что сейчас мне нужно, чтобы до Машки дошли какие-либо сплетни. – Какого хрена, Марина? – процедил сквозь зубы.

– Я, кажется, влюбилась, – ответила честно.

– Я женат, не забыла?

– Я тоже замужем.

– И?

Чего хочет? Какие предложения имелись?

– Я... Просто я подумала...

– Нет, Марина, ты еще не подумала.

Я ушел. Уехал обратно в город. Дома собрал сумку с вещами. Заехал в магазин и купил роскошный букет ромашек. Машка обожала полевые цветы. А еще в ее любимую кондитерскую заскочил.

– Сюда нельзя, – пожилая бабушка-охранник перегородила мне путь. – Карантин здесь.

Я хотел привычно ткнуть носом в корочку, но не стал. Бабка, все же.

– Баб... – посмотрел на бейджик, – Тань, у меня жена с сыном здесь. Мне им вещи передать. Ну и цветы.

– Фамилия, палата? – деловито поинтересовалась и достала списки.

– Седьмая вип-палата, Мария Сергеевна Субботина.

– Отметила. Санитарка отнесет.

– Баб Тань, а мне жену вообще никак не увидеть? – и достал тысячу из кармана. Ловкость рук и штука уже у бабки.

– Никак. Но обойдешь отделение справа и позови свою Марию. Платные палаты на втором этаже.

– Спасибо.

Сделал как сказано. Глазами охватил весь этаж и жену набрал. Несколько раз, но Машка не отвечала. Занята или намеренно игнорировала? Я постоял еще минут десять. Хотел начать орать, но вряд ли прочие пациенты оценили бы.

– Ну и хрен с тобой! – психанул и к машине пошел. Я приехал, а она характер показывала! Бесит.

Дом встретил тишиной и строптивым мяуканьем Майки

(вообще она Мия, но для этой белобрысой пигалицы слишком пафосно).

– Мяу!

– Что орешь? Будем есть. Что найдем.

Майка зыркнула на меня злобно, хвостом вильнула и отвернулась к окну. Строптивая. Такая же, как хозяйка.

– Идите жрать, пожалуйста, – с поклоном попросил, насыпав ей полную миску корма и молока. Теплого. Не поленился подогреть. Сам холодильник открыл. Казан плова стоял. Достал его. У меня школа молодого бойца на отлично: я мог сам постирать, погладить, поесть приготовить и задницу подтереть. Не бытовой инвалид. Вот вчера плов на мангале готовил. Шашлык и уха у меня пальчики оближешь.

Разогрел, поел, посуду помыл. Я не был педантом, но считал, что в доме должна быть чистота. Никаких гор посуды, следов от кружек и пыли хоть картошку высаживай. Машка справлялась. Дом у нас большой и раз в неделю помощница приходила, но, в общем и целом, норм было. Единственное, что меня раздражало и с чем она ничего не могла (или не хотела) делать – Пашкины игрушки. Они были везде.

– Да, – ну наконец-то!

– Я получила цветы и вещи. Спасибо. Мне очень приятно. Очень.

Внутри сразу потеплело от ласки и тепла.

– Я звонил, хотел хоть в окно увидеть.

– Я как увидела пропущенные, перезвонила. Мы с Пашой

на дыхательную терапию ходили.

Черт! А я уже успел и разозлить, и обидеться.

– Я люблю тебя, Кир. Спасибо, что ты у нас есть.

Я буквально кожей ощутил, мягкими вибрациями нежно-го голоса, насколько ей важна моя поддержка, мое участие, равнодушие. Возможно, Маша тоже чувствовала, что между нами где-то стало очень тонко.

– И я тебя люблю, Машка моя. Тебя и Пашку. Я очень скучаю. Слышь, давай вечером сеанс секса по телефону устроим, как раньше, помнишь?

Она прыснула от смеха. Ну да, больница не самое подходящее место, но у них палата отдельная.

– Давай.

Мы попрощались, и я довольный пошел гладить рубашку на завтра. Потом газонокосилкой прошелся по участку. В зале железо потягал – мне в форме нужно оставаться. Поплавал немного. После душа упал на кровать – было уже десять.

– Готова? – написал жене. Она ответила провокационные смайликом. – Пришли фотку: губы и сиськи.

Я был груб. Это заводило нас обоих. Через минуту я любовался на сочные полушария с розовыми пиками сосков. Машка одну грудь сжимала длинными пальцами с идеальным маникюром, нижнюю губу прихватила зубами. На мне не было белья и ствол, как флагшток, устремился вверх, занял от желания. У меня яйца звенели, я ж так и не трахнул жену по-человечески, даже то, что сейчас делали по факту

суррогат. Хочется тело к телу, кожа к коже, рот в рот.

Я сфоткал член и послал дик пик Машке. У меня даже личный телефон под такой защитой, что хрен влезешь в него, но все это в любом случае удалю. Мало ли.

Пять. Десять минут. Пятнадцать. Сообщение до сих пор не прочитано. Я подождал еще полчаса и закрыл чат. От неудовлетворенности потянуло в мошонке, кольнуло болезненно. Телефон просигналил сообщением. Вернулась! Нет, не Маша, Илюха скинул общее фото. Все веселые. Кроме Марины.

Я сжал вздутую головку и написал:

Фото пришли

Думаю, она умеет шифроваться от мужа. Сегодня продемонстрировала явно. Через три минуты прилетело видео. Без вопросов и капризов. Понятливая девочка. Я включил.

Марина погладила живот, раскрыла складочки и начала пальцами себя трахать, тихо постанывая. Потом вынула их и вылизала, словно это мой член. Меня прострелило острой волной вождения. Можно было бы порно включить, но это не то. Не так возбуждает. Сейчас я точно знал, что эта женщина мечтает обо мне.

Дрочи

Написал короткое. Она подчинилась беспрекословно. Ей хватило тридцати секунд, чтобы закусить ладонь, жадно сжимая бедрами руку. Я финишировал после двух просмотров.

Благодарю

Написал и снес не просто чат. Профиль ее удалил. Хреновая тенденция. Может, плохо кончиться.

Я снова принял душ, спать пора: завтра тяжелый день. Но мне снова пришло сообщение.

Кир, прости. У Паши такой жуткий приступ кашля начался, еле успокоила и уложила. Продолжим?

И следом фоточка в секси-трусиках. Очень возбуждающе, но я не машина, мне передышка нужна, хотя бы полчаса. Я только кончил. Кончил с другой женщиной...

*Прошу тебя только себе не лги,
Ты пол меня, я пол тебя, но мы не целое.
И не друзья и не враги.
Я твой недостаток, ты Моя Вселенная...*

Глава 4

Маша

Я отключила телефон, потому что готова рычать в трубку! Наверное, это неправильно, и я совсем не «умная» жена – мужа пилкнуть решила! Ну, поехал к друзьям, что такого? Но у меня буквально разрасталось внутри чувство одиночества: я и сын – это одно; Кирилл сам по себе. Точнее так, он иногда с нами. Я не про физическое присутствие, а ментально. Нет, он прав: все проблемы материального характера решал молниеносно. Это он оплачивал гонорары врачей. Если все сложить, выйдет баснословная сумма. И я безумно благодарна ему, хоть это и его сын тоже. Кирилл делал это, потому что, как и я, переживал за здоровье Паши. Но мне бы хотелось, чтобы они сблизились, по-настоящему. Но пока выходило с натяжкой. Возможно, сын маленький еще, и Кириллу с ним не интересно. Об этом пишут в умных книжках. А я еще о том, что отца нужно интегрировать в воспитание и обычную бытовую жизнь. Мужчина должен понимать, что чистый дом, умытые дети и ухоженная жена берутся не из воздуха, а тяжким трудом. Но всем хочется легкости и праздника. Мне, может, тоже! Но я не могу, потому что моему ребенку плохо, и я ему нужна. А папа... Ну а что папа? Его ж сюда не пустят. Нет, я не против, что он поехал, про-

сто, наверное, хотелось, чтобы предупредил. Чтобы не забыл про мою просьбу.

– Я тоже кое-что забыла... – тихо проговорила и вышла. Соню набрала по видеосвязи. – Привет, дорогая! Прости, что не позвонила с утра. Мы ночью в больницу угодили.

– Да, ладно брось, дурында! Я завтра к вам забегу. Ми-ренка маме оставляю и приеду. Что привезти?

– Нельзя, Сонь. Мы с ковидом в детской инфекционке. Нельзя.

– Блииин. Ну давай хоть наших покажу!

Соня включила фронтальную камеру: знакомые лица здоровались и улыбались. У нас достаточно большая компания друзей и товарищей. А мы те самые офицерские жены. Я приятельствовала со всеми, но подругой считала только Соню. Мы удивительно крепко подружились так же, как с моей Никой и Кирой. Да, у меня был очень крепкий тыл в виде старшей сестры мужа, правда, разница всего полтора года, да и внешне в хрупкой брюнетке старшую никак не разглядеть. Но характер железобетонный, не зря ведущий следователь СК.

– О, вон Марина! – Соня подозвала ее рукой. – Ты куда пропала?

– Да так. По женским делам... – намекнула на месячные она. – Привет, Маша. Как вы?

– Потихоньку. Узники горемычные, – улыбнулась я.

– Долго вам?

– Две недели.

– Жесть. Выздоровливайте.

– Соня, – позвала заговорщически, – а Кир где? – тихо спросила.

– Да здесь где-то, найти?

– Нет. Позже сама наберу. Ну веселитесь. Целую.

Когда Паша проснулся, нас отправили на дыхательные упражнения и процедуры. Легкие у него вроде чистые, пневмонии нет, но кашель появился. Пока не сильный, надеюсь, так и останется. По возвращении увидела огромный букет ромашек, собранную сумку и вкусняшки. Сказали, муж передал. Я была счастлива. Не забил на нас. Бросил товарищей по службе и пирушку, чтобы меня, заразу такую, порадовать. Любимые пирожные купил из «Baba Masha». Владелица – наша общая знакомая (мужья еще в школе учились вместе), но я покупала там сладости и хлеб исключительно из вкуса. Это что-то волшебное, честное слово!

Когда Кир предложил «пошалить», я в принципе забыла обо всех разногласиях. Раньше мы это практиковали чаще: муж уезжал в рабочие командировки, и мы так снимали напряжение. Сейчас... Да я не помню, когда было-то. Я сделала всего одну фоточку и принялась наговаривать, что буду делать с ним, но Паша так раскашлялся. Я практически на час выпала. Когда написала, муж сказал, что сам справился, не смог терпеть. Но меня до оргазма довел: короткие и грубые приказы – в этом всегда что-то было.

Дрочи... Соси... Лижжи...

Наверное, это на генетическом уровне заложено: подчиняться самому доминантному самцу. А с этим у Кира никогда проблем не было: тут и природа, и воспитание, и профессия. Кирилл просто не мог быть другим и по долгу службы тоже. Там нельзя быть мягким, порой даже человеческим. Сейчас муж не просто получил новое звание, но и стал начальником одного из отделов в экономической безопасности. Если честно, я перекрестилась: когда мы познакомились он работал в контрразведке ФСБ. У него много отметин от той службы: ножевых и пулевых. Я очень боялась, что когда-нибудь он не вернется. Когда Кирилл перешел в СЭБ стало легче морально. Я не переживу, если потеряю его. Если он не будет ходить по этой земле. Пусть будет. Даже если не мой, просто пусть будет.

Я была реалисткой, понимала, что жизнь длинная, а люди могут сломаться. И морально тоже. Но я готова проходить через тернии к звездам, чтобы сохранить свою семью, но если вдруг... Я отпущу. Самое плохое, что может быть в браке – жить ради детей или по привычке. Надеюсь, мы никогда к этому не придем. У нас не все гладко, но мы любим друг друга.

Через неделю у сына прошли все симптомы, и мы начали активно проситься домой. Папа у нас умел договариваться

виртуозно. Я написала бумажку, что мы честно отсидим еще неделю дома, до полного выхода из карантина.

– Вы ужинать собираетесь, гонщики?

Видимо, мои пацаны действительно соскучились: начиная от ветрянки, заканчивая ковидом, почти двадцать дней не виделись, поэтому засели за машинки. Кирилл коллекционировал мини-модели автомобилей еще с детства. Паша продолжил традицию. Вот и сейчас они оба ударились в детство. Муж даже душ после службы не принял и есть не торопился – сыном занимался.

– Мам, а что покушать? – спросил Паша, разбираясь с подарком: помимо машинок у нас еще и квадрокоптер появился.

– Жареная картошка с крылышками. Все как любишь.

Вечером Кир забрал нас сразу после службы. Сейчас у него нет особо дежурств, да и в принципе его отдел курировал банки, страховые, государственные корпорации. Это не наркотики и организованная преступность, но отдел «Н» входил в их управление, там Илья... Их службы пересекались: экономические преступления довольно часто тянули за собой или были прикрытием всякой грязи вроде оружия, наркотиков, торговли людьми. Иногда бывало такое, что Кирилл уходил на работу в понедельник, а возвращался потрепанным и усталым дней через пять.

Я передернула плечами. Не хочу об этом думать, сплошные нервы. Лучше на мальчишек своих посмотрю, обед го-

тов, дома порядок. Меня не было неделю, а дома полный холодильник и идеальная чистота. Кирилл в плане хозяйства очень требователен, но и сам никогда не допускал свинарника.

– Это тебе не кашей давиться в больнице, – потрепал по темной макушке сына и поднялся с лежанки, где они играли. – Пошли руки мыть.

Пужинали мы поздно, поэтому сразу после загнала сына купаться и спать. В спальню вернулась, разделась полностью и, накинув халат, пошла в ванную. Кир сейчас был там...

От пара было сложно дышать. Он всегда купался практически в кипятке. Говорил, что это привычка – стирать с кожи запах своей службы. Я много слышала о силовиках, видела автозаки в центре города, жесткие задержания. О пытках в Лефортово сотрудниками ФСБ и в российских тюрьмах, о политических заключенных и нечеловеческих условиях содержания в СИЗО. Но я никогда не расспрашивала об этом мужа. Это как раз та работа, которую не нужно тащить в семью.

Я сбросила халат и, открыв створку, шагнул в душ. Кирилл стоял ко мне спиной, опершись руками о нежно-белый кафель. Ему было тридцать шесть лет, но он до сих пор в прекрасной форме. Длинные мощные ноги, спина бугрилась мышцами, каменный пресс. Ни грамма лишнего веса, потому что тренировался постоянно. У Кира был короткий ежик и резкое скуластое лицо. Я не могла назвать его красивым в

общепринятом понимании: до смазливых мальчиков с телевизора ему далеко. Или им до него? Кирилл тот самый медведь, который сцапал свою Машу. Очень мужественный медведь с невероятной энергетикой мужчины. С такой бешеной харизмой, что, входя в комнату, можно было не смотреть, все чувствовали, что пришел мужик.

Я обняла его со спины, губами собрала влагу, почувствовала, как дернулся и зашипел, когда рукой обхватила член. Возбужденный, жесткий, большой. Идеальный член. Самый лучший из всех, что я видела. А замуж я выходила не девственницей.

– Подарочек мне сделать решила? – шепнул и резко перетащил меня вперед. На поясницу надавил, чтобы прогнулась, и вошел мощно, на всю длину. Чтобы задыхалась от острой наполненности. Руку на лобок положил и с клитором играть начал, другой жестко бедро сжимал, насаживая на себя. Он хотел кончить. Быстро. В первый раз после долгого воздержания у нас всегда так. Очень агрессивно. Очень страстно. Очень горячо. По моим бедрам текла вода и его семя. Я пила таблетки, потому что Кир не любил презервативы. Ему нравилось кончать в меня и на меня. Никаких преград.

– Пойдем, – стащил полотенце, слегка подсушив тело, и забросил меня на плечо. Медведь!

Швырнул на кровать, ни о какой бережности речи не шло, когда мой муж так распален. Силу он всегда рассчитывал, но на грани, по тонкому лезвию шел и меня за собой вел. Но-

ги раздвинул и головкой таранить начал. Я прикрыла глаза, дрожала вся от жгучего желания – я не успела кончить.

– Смотри. – Я попыталась глаза открыть, но тяжело. – Смотри, сказал! – и горло сжал, совсем чуть-чуть, но хватило, чтобы сфокусировать взгляд на происходящем. К груди спустился и теревить соски начал.

Я, не отрывая глаз, наблюдала, как он входит на полную и выходит, показывая мне блестящую от наших соков головку. Было болезненно прекрасно. Остро и сладко. Я хотела финишировать вместе, так как давно не делали: чтобы в губы стонать, как мне хорошо с ним.

– Поцелуй меня...

Кир замер на секунду. Да, я снова не подчинялась ему, меняла правила игры на ходу, но по-другому мне сложно.

Кирилл опустил на локти, погладил мое лицо, убрал мокрые волосы со лба и нежно коснулся губ. Ему всегда тяжелее давалась нега и ласка. Он необузданный мустанг. Ему нужно брать, подчинять, на вершину за собой гнать.

Я обвила его ногами, ягодицы вспорола ногтями, чтобы зарычал от недовольства и удовольствия одновременно. Кир даже сажая меня сверху, руководил, а когда я своевольничала бесился.

Он максимально глубоко в меня погрузился. Мы были так близко. Мы были друг в друге. Мы были равными. Держались и не отпускали, стонали в рот и дышали единым воздухом, пока последняя сладостная судорога не отпустила.

– У меня кое-что есть, – Кир поднялся, потянулся, как медведь с грацией тигра, и достал из стола рубиново-красный футляр. – Хотел подарить еще на банкете. Помнишь, номер, туда-сюда?

Я кивнула.

– Но ты же Золушка: предпочла другого принца и убежала в полночь.

– Не начинай, а? – Я была так расслаблена и совершенно не хотела ругаться. – Не ревнуй к ребенку.

– Не говори ерунды! – отрезал Кирилл. Он очень не любил, когда указывали на его недостатки, тем более такие детские, что ли. – Но ты не только мать, но и жена не забывай об этом, ок?

– А еще я человек, личность, медик...

– Вот именно: тратишь время на пёзды в поликлинике за копейки.

Я напряглась. Истома вмиг слетела. Так было всегда. Мне постоянно приходилось отстаивать свои интересы. То, что не касалось самого Кирилла и нашей семьи.

– Ты же знаешь, для чего я это делаю.

– Да, на работу хочешь выйти, но работа должна быть не в ущерб семье. Для денег – есть я, ты должна быть для меня, – и через пару секунд добавил: – И Пашки.

– Кир, у меня есть знакомый семейный психолог... – начала осторожно.

– Кто?! – с насмешкой уточнил.

– Мы оба чувствуем, что у нас проблемы...

– Нет, Машка, это у тебя проблемы. У меня их нет, – вспылал ожидаемо. – Твоя главная проблема, что забываешь, что в первую очередь ты – моя женщина. Не забывай об этом, иначе...

– Иначе что? – я тоже встала на дыбы. Мы мерились взглядами минуты две. Потом он трахнул меня. Исключительно, как он хотел. Поставил на мне метку, словно на вершину забрался, покорил Эверест и победителем спустился. А я осталась одинокой Джомолунгмой: горой, которую не спросили, хочет ли она быть покоренной.

Когда муж уснул, я открыла подарок. Бесподобные часы. Белое золото, бриллианты по кругу циферблата, на головке завода сапфир. Это очень дорого. Кому покажу, писать от восторга будут и говорить, как муж меня любит. Любит. Я в этом не сомневалась. Только принять не может, что женщина – это не только жена... и мать.

Я погладила его спину, поцеловала лопатки. Мы ведь выбрали друг друга. Мы поженились. Мы родили сына. Значит, мы половинки. Половинки ли?..

Глава 5

Кирилл

Я поднялся на четвертый этаж управления, к себе прошел. Почти год был исполняющим обязанности начальника 2-го отдела. Сейчас все официально. Звание плюс должность. Следующее, думаю, не заставит себя долго ждать. Я люблю свою работу. Я хорошо ее делаю. И да, я метил в генералы.

– Доброе утро, Кирилл Павлович.

– Алина, зайди ко мне, – приложил магнитный ключ к двери.

– Слушаю, Кирилл Павлович.

– Через десять минут пригласи старших отдела. И принеси кофе.

– Будет сделано. Что-то еще?

– Исполни.

– Так точно.

Алина не была банальной секретаршей. У нее было звание и доступ к секретной информации, а также блестящее экономическое образование и знание бухгалтерского дела. Она была частью оперативной группы, только в балаклаву не облачалась и в особо опасных задержаниях не участвовала. Я тоже. Не по чину с автоматом бегать и мордой в пол людей

укладывать, но бывает – навык терять не стоит. Никогда.

Я выпил кофе и через две минуты собрались старшие оперативники. В моем отделе женщин не было. Нет, физически они имели женские половые признаки, но на службе в первую очередь сотрудники федеральной службы, все остальное за пределами управления. И требования к ним были такие же, как к мужчинам. У меня все равны.

– Ну что, ребята, Александр Васильевич выразил особую благодарность по делу «Мастер-Банка». Приказ, – я кивнул на лист перед собой, – о внеочередных воинских званиях. И премия.

Мы совместной с 7-м отделом хлопнули схему по контрабандному вывозу золота за пределы страны. Частный банк на деньги вкладчиков покупал у ЦБ золотые резервы, переплавляли в подпольной лаборатории одного из отделений и отправлял за границу. Изъяли двести килограммов в бюджет страны.

Мои ребята стояли с довольными рожами. Можно немного расслабиться.

– Сегодня, чтобы в шесть вечера никого не видел. Свободны.

– Так точно, товарищ подполковник, – в один голос ответили.

Когда остался один, набрал Кузнецова из контрразведки.

– Здорово Леха, получил твои списки. Проведем проверки по всем компаниям. Есть пара иностранных инвесторов,

которые уже светились с интересом к нашему ВПК.

Я отключился и принялся за бумажную работу, которую, признаться, терпеть не мог. В душе все же я больше боец, нежели протиратель штанов в руководящем кресле, но я очень амбициозный боец: планы у меня далеко идущие.

В середине дня ко мне зашел Илья. Возбужденный.

– Кир, что у тебя есть на «МакроРосИнновации»?

– А что у тебя на них? – спросил и в компьютер вошел.

– Да ниточка вывела. Говорят, они ОПС создали еще с несколькими фирмами и вроде как под несуществующей инновационной деятельностью организуют доставку героина из Афганистана.

Я сверился с информацией и присвистнул.

– У них покрывашка мвдшная. Надо проверить. Мы их прощупаем и крышу, а потом вас подключим, если наркота вылезет.

– Идет, – пожали руки. – Мы будем рыть в своем направлении.

– Алина, Вяземского, Ермолову и Родова ко мне, – пока ждал, изучал информацию по начальнику управления экономической безопасности МВД. Полковник, тридцать лет в органах, несколько коррупционных скандалов. Замятых, естественно. Интересная картина. Дело перспективное.

– Так, архаровцы, «МакроРосИнновации» подозреваются в экономической деятельности вне государственного контроля. Нужно собрать информацию. Сначала тихо, дальше –

по обстоятельствам.

– Что конкретно ищем? – спросил Стас Вяземский.

– Все, что сможем найти. Здесь замешаны мвдшные погоны, поэтому ищем хорошо и основательно. Завтра жду план действий от каждого. А сегодня все, мать вашу, по домам. Шесть часов.

Я и сам задерживаться не собирался, но встал только в восемь из-за стола. Машка не звонила целый день. Я тоже. Обиделась, наверное. Я, может, тоже обиделся! Еще я к психологам не ходил! Придумала! Я каждый год прохожу проверки на психологическое соответствие и всевозможные отклонения. Я здоров. С моей психикой как раз таки все тип-топ. С Машкиной, уверен, тоже. Наша проблема в том, что кто-то не умеет уступать. Тот, кто должен уметь уступать. Женщина! А моя все борется.

Я подошел к машине, дверь открыл и, сняв пиджак, повесил на вешалку – Маша притащила сюда. Дежурный поднял шлагбаум, и я медленно выехал, наверное, поэтому затормозил практически бесшумно. Черт! Марина появилась буквально из ниоткуда и шагнул на дорогу, привлекая внимание.

– Жить надоело? – спросил, опустив стекло.

– Мы можем поговорить?

Я едва заметно кивнул на пассажирское сиденье. Почему бы и нет?

Мягко тронулся и поехал вверх по Большой Лубянке. Я

не собирался сидеть с Мариной в ресторане и выслушивать душевные излияния. Только четко и по делу. Вообще ума не приложу, что ей нужно. Больше наших эросеансов не повторялось, да и не хотел я. Это весело пару раз, потом просто тупая дрочка.

Я припарковался в узком неприметном переулке и повернулся к Марине.

– Слушаю.

Она нервно вертела в руках телефон, кусала губы и на меня не смотрела.

– Я подумала, – наконец повернулась.

– О чем?

Я разве что-то предлагал?

– Я хочу секса. С тобой.

Я тихо рассмеялся. Ничего себе! Не скажу, что удивлен или не получал таких предложений. Получал. Сколько так называемых бизнес-леди, главных бухгалтеров и ведущих экономистов заносили мне «конверты» и бонусом предлагали прогнуться прямо в кабинете, уткнуться лицом в мой стол и заплатить натурой в том числе. Причем отсосать практически не предлагали, хотели потрахаться. И Марина, вон, туда же. Я что, на ёбаря-террориста похож, а?

– С чего ты взяла, что мне это интересно?

Кстати, ни одного подобного предложения я не принял.

– Ты ведь хотел меня, – оборонила тихо. Марина вся дрожала. Видимо, раньше мужу не изменяла. Да, она ему уже из-

менила, когда левому мужику позволила касаться себя. Когда самое интимное местечко показать решила. Относительно меня измены жене не было: я с Мариной не спал, не целовал, даже пальцы в нее не засовывал. Так, стимулятором поработал. И мастурбировал, но это не преступление.

– Ну допустим.

Да, хотел. Отрицать бессмысленно. Марина возбудила меня тогда. Не знаю: нервы, злость, новизна. Разнообразие, в конце концов.

– Я тоже хочу тебя, Кирилл. Только секс. Я знаю, что больше ты мне не дашь и хочу этих отношений.

– Уверена?

Марина кивнула. Я нажал на кнопку и отъехал сиденьем назад, руки за голову забросил и кивнул на пряжку ремня:

– Давай, показывай, что умеешь.

– Здесь?! – ахнула она.

Я нажал на кнопку, разблокировав двери.

– Метро за углом вроде. Или такси возьми. Мне некогда.

– Нет... – вскинула подбородок. Потянулась к паху, растегнула ремень, молнию, резинку боксеров подцепила и сглотнула громко. От теплых пальцев и пикантности ситуации член напрягся, венами бугрился, тяжело покачивался в руке. Я хотел посмотреть, как далеко она готова зайти. И я тоже.

Марина губами обхватила широкую головку. Я хотел прекратить, пока это возможно, но рука вопреки мозгу легла на

затылок и надавила, проталкивая глубже. Хочу глубже. Абрамова закашлялась, но пропустила в горло. Хорошо. Приятно. Когда последний раз мне сосала жена? Так, чтобы со слезами, чтобы сперма по груди текла? То Пашка, то понос, то быстрее. Раньше по-другому было. Каждый день сосала, прежде чем на член прыгнуть. И как сосала. Сказка!

Я представил, что наматываю на кулак светлые волосы Машки, ее губы, шустрый язык и активно заработал бедрами. Я трахал Марину в рот, не заботясь о чувствах и комфорте. Трахал так, как мне нравилось, пока горячая струя не брызнула куда-то в горло.

– Что теперь? – спросила Марина, покорно ожидая вердикта.

– Неплохо.

Мне нравилось ее желание угодить, податливое стремление стать мне хоть кем-то. С ней можно иногда расслабиться и не сражаться. У этой нет характера, под мои условия прогнется легко.

– Окей, давай обозначим границы: мы просто трахаемся. Не более. Никаких планов на мой счет не строй. От жены я не уйду. Если вздумаешь сдать меня, это будет последнее, что ты сделаешь, ясно?

Марина испуганно кивнула и проговорила:

– Я не думала уходить от Антона. Настя слишком привязана к нему, так что...

– Это все прекрасно, но тебе, Марина, нужно хорошенько

подумать, стоит ли оно того? Я мужик, с меня взятки будут гладки, а вот с тебя.

– Я хочу тебя.

Я усмехнулся и повез ее в небольшой отель, где не задают вопросов таким, как я. Пару часиков у меня есть. Мне нужно переключиться. Это не измена, это сброс лишней энергии. Зал, тир, спорт больше не помогали. Нужна баба. Если моя так занята, то другая подставит и рот, и обе дырки. Со своей совестью я договорился. Марина замужем. Я женат. Идеальная связь. Я никогда не думал о любовнице, но иногда это выход. Оживить отношения и подогреть интерес жены. Чтобы Маша снова с ума сходила по своему Медведю. Женщины всегда чувствовали перемены и непременно стремились вернуть статус кво...

Безликий номер. Летний сумрак. Жесткий секс. Марина текла от самых невинных прикосновений. Видимо, муж давно не вспахивал ее хорошенько. Или с ним она отлынивала от секса, как моя жена? Вероятно, да.

Я стянул резину и отправился в душ. Пора ехать. И так задержался. Бывало и не такое – я мог вообще не прийти, – но сегодня все по-другому.

Было ли мне хорошо? Было. Потрахались от души. Марина сексуальная женщина, у которой все рабочее. Она явно нуждалась в разнообразии. Мне тоже порой чего-то эдакого не хватало.

Что я чувствовал сейчас? Я ведь не с женой два часа ку-

выркался. И как бы ни храбрился, но шаг серьезный. Не для меня. Для Машки, если узнает. Странное ощущение. Пока не понял ничего. Внешне сохранял спокойствие. Внутренне – не ясно. Но отрицать, что шел на это осознанно – бессмысленно. Я хотел. И я сделал. Никаких аффектов и смягчающих обстоятельств. Но я точно знал, что голову от этой связи не потеряю. Значит, и Машку тоже. Прокалывались только дураки, а я не дурак. Эта, темная, часть моей биографии останется в стенах стерильных отелей. И моей памяти...

Марина лежала на животе, прикрывая грудь одеялом и задумчиво гипнотизируя стену. Мне понравилось, как она себя вела. Сделала все, чего хотелось мне. И нравилось, как ведет себя сейчас: я терпеть не мог наглых и развязных женщин, которые, становясь любовницами, пытались возвыситься, оскорбляя законную соперницу. Генеральские молоденькие шлюхи именно такие.

– Когда в следующий раз увидимся?

Я надел брюки, рубашку накинул на плечи. Быстро застегнул и взял галстук. Безликий фсбшник в синем костюме. Ну да, ну да. Меня сложно не запомнить.

– Можно? – Марина подошла и захотела сама повязать.

– Не нужно, – убрал руки и сделал это сам. Это слишком личное. Я только жене позволял помогать мне с одеждой. – Когда я захочу или ты захочешь. Совпадет, увидимся.

– У меня в мессенджере статус «свободна» будет стоять, тогда можно звонить и писать.

– Да ты конспиратор, – хмыкнул я. – Были трахатели, кроме мужа?

– Нет. Ты первый трахатель. Ты лучший трахатель, Кирилл, – и потянулась ко мне целоваться. Я не позволил. Не потому что я такой жесткий брутал и не целуюсь. Но я еду домой. На мне не должно быть запахов, волос и прочего выпота посторонней женщины. – Я вызову тебе такси.

Потом уехал. К семье пора.

Глава 6

Маша

Месяц спустя

– Ужинать будешь? – встретила мужа на входе в дом. Я ждала его. Сегодня пятница. Думала, может, сходим куда-то или просто посмотрим фильм в обнимку, но Кир задержался сильно. Уже одиннадцать скоро. А я Зою Степановну пригласила. Пришлось отменять.

– Конечно, буду. Я жутко голодный, – и поцеловал меня в висок.

– В душ пойдешь или сразу сядешь?

Для человека, который уехал в полседьмого утра, Кирилл выглядел, да и пах, очень хорошо. Он любил свежие ароматы: кедр, дерево, трава. С ним рядом всегда словно в лесу после дождя: запахи ярче, резче, бодрее. Я будто брала охапку свежих листьев и травы, растирала в ладонях и тонула в ней.

– Пойду, – бросил на меня быстрый взгляд, – а ты на стол накрой.

Я задумчиво смотрела вслед поднимавшемуся по лестнице мужу. Я не могла объяснить, чем обоснованно странно тоскливое чувство внутри, но оно было. Просто было. Без причины. Вроде бы все по-прежнему, но мы стали как-то

осторожней в общении. Словно бы между нами появилась тайна, которую нельзя раскрывать. Я подозревала, что это связано с моим предложением сходить к психологу. Кирилл очень бурно отреагировал. Но, думаю, дело не в самом факте похода к специалисту, а в том, что я произнесла вслух то, что давно витало в воздухе. Я первая указала, что в нашем браке есть проблемы. Еще и про ревность к Паше.

Я вздохнула и поставила на стол овощной салатик, карпаччо из лосося и тонкие гренки к нему. Кирилл любил покушать – такому крупному мужчине нужно прилично! Но на ночь никогда не ел много, не есть в принципе, увы, не мог.

– Все хорошо? – спросила перед тем, как Кирилл есть начнет. Просто, чтобы знать.

Он кивнул и, постелив салфетку на колени, взял приборы. Мы не просто так звались Машей и Медведем. Кир был высоким и мощным. Я же тонкая блондинка, талию которой он мог крепкими ладонями обхватить.

Ел муж с удовольствием. Я, может, не супер кулинар, но кое-что умела. И очень красиво ел. Его агрессивная внешность была в чем-то обманчива: он прекрасно умел вести себя за столом. Так и не скажешь, что знает, как орудовать столовым ножом по прямому назначению.

– Что там у вас с Ильей? – поинтересовалась, когда вытер губы и оставил приборы.

Кир говорил, что их отделы сейчас плотно сотрудничали. Очень важное дело. Ни я, ни Соня подробностей не зна-

ли. Но последний месяц они буквально пропадали в управлении. Я волновалась. Соня тоже. Ее муж разрабатывал особо опасных преступников: наркотики, создание ОПС и ОПГ, торговля оружием. Теневая экономика. А мой как раз по этой части.

– Все нормально, Машка. Просто знай, что все хорошо.

Кир был в легких штанах и без футболки. Такой весь домашний и теплый, как чеширский котяра. Ни как наша Мия. Она, скорее, молодая кошка-бабушка – ворчливая. Муж спустился в погреб (да, у нас был погреб!) И поднялся с бутылкой вина. Он не особо любил слабый алкоголь: либо вообще не пить, либо крепкое, но меру знал. Я никогда не видела его пьяным. Никогда. Однажды он поделился со мной своей историей, я поняла, почему у него такое отношение к пьянству и пьяным. Нет, Кир больше не бежал избивать любого выпившего, но придерживался мнения «не умеешь пить – не пей». И презирал. Да, это было.

– Пойдем, посидим, винца выпьем?

– Пойдем.

Я взяла бокалы и присела рядом с мужем на диван. Мы включили какой-то сериал на «Кинопоиске». Кир гладил мое бедро, и я видела, как рос член в штанах. Никакого белья. Я раздвинула ноги и прикусила губу, когда залез в трусики. Кир размазывал смазку по моим бедрам и возвращался ко входу, ныряя двумя пальцами. В сексе муж стал терпимее и если что-то не срасталось – не злился. Я хотела поощрить его

за терпение. Спустилась на пол и развела мускулистые ноги. Кир ослабил завязку и приспустил штаны. Член, не выдержав собственного веса, со шлепком упал на живот. Я обхватила его рукой и вылизала мошонку.

– Бери, Машка, до конца... – простонал он. Я дернула головой, показывая, что мной не нужно руководить. Я хочу сама довести его до безумия, а не быть быстро и бурно трахнутой в рот.

Я меняла ритм, прикусывала у самого основания головки, языком дразнила уздечку и оттягивала мошонку. Кир шипел, рычал и стонал. Он всегда быстро рвался к вершине, а сейчас мучился чувственным томлением. Невесомым ускользящим наслаждением, которое совсем скоро трансформируется в мощный оргазм.

Несколько резких глубоких движений, и я ощутила, как по стволу побежали едва ощутимо импульсы. Он близко. Я вынула изо рта головку и быстро водила ей по губам, помогая языком. Кир ударил кулаком по дивану и сквозь сцепленные зубы застонал. Я снова обхватила член губами, и мощная струя тут же ударила в нёбо.

– Что? – спросила с улыбкой, заметив его внимательно расслабленный взгляд. Да, ему удавалось изобразить даже такой.

– Я люблю тебя, Маша. Помни об этом всегда, ладно?

Я удивилась, но не стала расспрашивать о несвойственной ему меланхолии. Да и с чего я должна забыть о его любви?

– Я тоже тебя люблю...

Паша, тьфу-тьфу, ходил в сад нормально. Больше никаких больничных. Я вышла на работу в поликлинику. У них один из врачей в отпуск уехал, первая смена моя. Женская консультация, кстати, у нас очень приличная. Помнится, сравнивала с регионами... Да, Москва, увы, не Россия. Конечно, хотелось бы работать акушер-гинекологом, но это совсем другой график, другая физическая и моральная отдача. В моем доме установился хрупкий мир – пусть он станет крепким, потом решим.

– Какие жалобы, Ольга Александровна? – спросила у очередной пациентки, листая карту. В анамнезе киста на яичнике, аборт и двое детей. Возраст сорок лет. Замужем.

– Живот тянет вниз и выделения беспокоят.

– Давайте на кресле посмотрим.

Я надела перчатки и подошла к ней. Женщина была полноватой, поэтому не смогла резво запрыгнуть. Еще и отдышка. Нужно посоветовать терапевта посетить.

– Напомните, когда была менструация в последний раз? – уточнила, пальпируя шейку матки. Синюшная прям от притока крови, зев закрыт плотно, выделения из цервикального канала, правда, есть. С запахом. Я достала палочку и взяла мазок.

– Да я не помню уже. Они у меня всегда по-разному, а последние месяца три такие нервы...

– Одевайтесь, Ольга Александровна, и поговорим, – когда

села на стул рядом со мной, я оторвалась от компьютера. — Ольга Александровна, первичный осмотр позволяет диагностировать беременность 10-12 недель. — Я взяла направление. — Сдадите завтра тест на хгч и с результатами ко мне. Будем на учет становиться.

— Беременна? — переспросила шепотом. — Вы уверены?

— Не на сто процентов, поэтому нужно сдать кровь.

— Но я не могу быть беременной. Мне нельзя рожать!

— Мы обязательно хорошо вас обследуем, не волнуйтесь.

Выделения действительно нехорошие. Я отправлю мазок на исследования.

— Вы не понимаете... — она посмотрела на меня испуганными глазами. — Вы замужем? — и на правую руку посмотрела. — Вижу, что да. А дети?

— Есть, сын, а что?

— Мне муж изменяет. Неделю как выгнала его, а тут такое... Как мне с тремя одной?

В таких случаях советовать крайне сложно. Как врач я не могла говорить о прерывании без показаний. Да и не хотела. Я за сохранение любой жизни. Хотя был момент, когда и сама раздумывала...

— Ольга Александровна, давайте успокоимся, узнаем точно и тогда можно будет говорить предметно.

— Вы бы смогли простить измену? — неожиданно спросила она. У меня внутри похолодело все. Странная тревога окутала. Я не была готова к такому повороту. И ответа на вопрос

у меня не было. Я не знала. Я реально не знала. Поэтому неопределенно пожала плечами.

После смены я решила заехать в торговый центр: Паше нужно прикупить футболок, мужу ремень новый, ну и себе что-нибудь. Когда закупились подарками для мальчиков, зашла в магазин женского белья. Новый какой-то. Интересные модели на витрине.

– Марина? Привет! – увидела приятельницу из наших. – Ты работаешь здесь?

– Привет! – она выглядела удивленной. – Да, вот управляющей работаю.

Мы постояли минуту друг напротив друга с дежурной улыбкой на лицах, потом я предложила:

– Может, кофе выпьем? – и указала на кофейню напротив.

– Пойдем, конечно, да, – согласилась она.

Мы сели за столик, взяли кофе.

– Маша, а ты хотела что-то из белья купить?

– Да. Хочется чего-нибудь новенького, интересненького.

– У нас есть классные модели. С твоей фигурой будет здорово. О, у меня в телефоне есть новинки. Ценник, конечно, – она глаза к потолку подняла, – но оно того стоит.

– Думаю, я потяну.

– Ну да, – ответила Марина и посмотрела на мои часы. – Красивые.

– Подарок мужа. Так что там у тебя?

Марина начала искать в телефоне что-то, потом мне пока-

зала. Действительно симпатичные комплекты. Желание померить появилось. И форма трусиков классная.

Присылай

Всплыло сообщение из мессенджера. Я замерла. Марина тоже. Кирилл. Сколько может быть Кириллов? Много. Но это его аватарка. Никаких лиц, но я точно знала, кто это.

– Ты что, – я повернулась к ней, уже убравшей телефон с моих глаз, – с моим мужем переписываешься?

Глава 7

Маша

Я была так ошеломлена, что даже мысли не возникло, сделать вид, что не прочитала смс, предназначенное не мне.

– Это что такое, вообще?!

Марина продолжала молчать.

– Я задала тебе вопрос? – отчеканила, едва сдерживаясь. Что это за фигня! Какого здесь происходит?! У меня под носом фактически!

– Маш, успокойся, – запричитала она. – Мы были вместе у Озерских. У меня сохранились несколько его фоток. Я предложила переслать. И все! Хочешь, – она протянула мне телефон, – проверь. Держи.

Мы смотрели друг на друга не моргая. Марина выглядела уверенной, а я не знала, что думать. Я хотела схватить мобильный и расщепить на атомы. Выяснить все, а потом... потом... Не знаю, что потом! С нее скальп снять. Ему яйца отрезать. Но мне воспитание не позволяло, лазить по чужому телефону. Это унижительно. А унижаться перед Мариной я не намерена. Мне претило это. Особенно сейчас. Даже если она не врет, находиться рядом с ней стало невыносимо. До зуда на коже. Потому что это ненормально. На Субботина совсем не похоже, только если...

– Мы с мужем сами разберемся, – я поднялась, оставив свой кофе.

– Мы не будем смотреть белье? – примирительно улыбнулась Марина.

– Нет. Спасибо. Мне ехать нужно.

Я спустилась на парковку, погрузила покупки на заднее сиденье и села за руль. Попыталась анализировать здраво, но у меня не выходило. Это глупость какая-то! Не мог Кир общаться с левой женщиной, фоточками обмениваться. Это совсем не в его характере. Единственные женщины, с кем переписывался: я и Кира, сестра. Все! Даже Соне Озерской либо звонил, либо передавал что-то через меня, а они тепло общались. Она жена лучшего друга. Но что это тогда? Что у него с Мариной? Флирт? Измена? Он спит с ней, что ли?! Мой муж трахает другую женщину?! Бред какой-то.

– А-аа! – крикнула и ударила по рулю. Потом схватила телефон и позвонила мужу. Подождала пару гудков и услышала родной голос.

– Привет, Маха, – я чувствовала его улыбку. Ни одной фальшивой ноты.

Не забывай, что я люблю тебя, ладно?

Я люблю тебя

Не забывай

– Ты сегодня к ужину приедешь? – спросила я. Возможно, нужно было устроить скандал по телефону или рвать к нему на Лубянку и ловить на эффекте неожиданности. Но так в любом случае не выйдет: во-первых, у Кирилла нервы, как канаты, во-вторых, если между ними что-то есть, то Марина уже позвонила и предупредила – я все равно не успела бы. Я опаздывала. Категорически опаздывала. Пусть будет так. Это лучше, чем если я реально уже не успела.

– Буду.

– Тогда до вечера. – Я сбросила вызов и поехала в сторону дома. Пашку заберу, ужин приготовлю и подумаю. Мне самой нужно решить, что я хочу услышать от него. Не так просто принять правду. Такую правду.

Я встряхнула головой и выехала с парковки. Я, конечно, надумала уже. Возможно, да даже скорее всего, ничего там не было. Кирилл жесткий мужчина, самец, естественно, но он не предатель. Моему мужу нужно внимание, ласка и секс. И любовь. Конечно же, любовь. Мне казалось, что все это я давала. Не всегда в необходимых пропорциях, но семейная жизнь не всегда один сахар. Да, у нас не идеальный брак. И люди мы не идеальные. Оба с характером, но мы семья. У нас сын. Мы любим друг друга. Кирилл не поступил бы так со мной. Я всегда была единственной Машкой для своего Медведя.

Я остановилась возле частного сада в паре километров от

нашего дома. Позвонила в звонок и прошла на территорию. Дети как раз гуляли.

– Татьяна Борисовна, здравствуйте. Я Пашу хочу сразу с прогулки забрать, отпустите?

– Конечно-конечно, Мария Сергеевна.

– Паш! – крикнула и помахал рукой. – Привет, – поцеловала в темную макушку. – Иди, собирайся. Домой поедем!

– Ура! – заорал сын. В садик ходил вполне себе с удовольствием, но уходил еще более счастливым.

Мы вместе решили приготовить огромную пиццу с колбасой и сыром. Паша больше мешал и подъедал, и я даже не раздражалась на муку у него в волосах. Мыть голову придется, но сегодня мне было все равно, что это ад. Он так орет. Не любил, когда вода сверху лилась. Это жутко раздражало Кирилла. Он был совершенно нетерпим к слабостям. К мужским, естественно. К женским относился снисходительно.

– Да, мам? – ответила, испачкав телефон. – Дела... Дела нормально. В субботу привезти? – и посмотрела на сына. – К бабе Оле поедешь?

– Поеду.

– Поедет, мам.

Мы поболтали еще по громкой связи и одновременно пиццу закончили и в духовку поставили.

Я услышала звук открывшихся ворот и посмотрела в окно.

– Мам, все, целую. Кирилл приехал.

– Привет ему. Пока.

Я отложила телефон и сказала сыну:

– Папа дома. Пойдем встречать.

Мы вышли в холл, когда входная дверь уже открывалась: вместе с мужем в дом вернулась мощная аура мужчины. Уверенного и правого. Идеальный костюм, рубашка, галстук. Я быстро пробежалась взглядом по плечам и лацканам пиджака – безукоризненно: ни пылинки, ни соринки, ни волоска. Если Кир и говорил с Мариной, то понять это запросто не получится. Он слишком хорошо контролировал эмоции. А допросы и сам прекрасно умел устраивать – опыт. Куда уж мне.

– Привет, Пашка, – он подхватил его на руки и сразу получил две мучные ладошки на пиджак. – Ну вот, поваренок, смотри, что вышло.

– Лугать будешь? – надулся Паша.

– Не, не буду. Мужик должен уметь готовить! На выходных научу тебя шашлык жарить.

– На выходные его мои родители забрать хотят, – вставила я.

– Ну, значит, на следующие.

Кирилл поставил на ноги сына и ко мне подошел. Приобнял и привычно в висок поцеловал. Я не отталкивает, но и в ответ не обняла.

Не терпелось ли мне начать разговор? Конечно! Меня разрывало от противоречивых чувств: хотелось выяснить все и успокоиться. Вроде бы такая мелочь. Там и в сообщении-то

ничего. И Марина предлагала посмотреть переписку. Да и что такого-то реально. У меня тоже есть мужчины в списке контактов, с которыми иногда могу перекинуться смс. Правда, по делу только. Переписками ради развлечения я не занималась.

Я накрыла в столовой. Покормила мужа и сына. Все это время наблюдала за Кириллом. Все как обычно. Ни одного намека, что он чего-то опасался.

– Ну все, спать! – в девять я пошла укладывать сына. Засыпал он легко. Буквально за пять минут. Единственное, просыпался часто. И рано...

Я вышла из детской, спустилась на кухню, думала Кирилл уже ушел в душ, но он стоял возле окна и изучал какие-то документы. Расслабленно и вольготно.

– Ты не в душе? – спросила, остановившись за его спиной.

– Сейчас пойду, – ответил и отложил документы. – Как твой день прошел? – участливо поинтересовался.

Я улыбнулась, а сама лицо его изучала. Мне всегда казалось, что если мой муж мне соврет, замечу. А сейчас смогу ли понять? А хочу ли?..

– Я сегодня пила кофе с Мариной.

– С Мариной? – удивился очень натурально. – Абрамовой, что ли?

– Да. Вы с ней общаетесь?

– Вы тоже общаетесь, разве нет? – Кир отстегнул браслет часов и бросил их на стол.

– Не паясничай. Вы переписываетесь.

– Ну ты загнула! – усмехнулся он. – Переписываетесь! Марина написала мне «спасибо» той ночью, когда ты уехала и бросила меня.

– Я к твоему ребенку поехала, вообще-то!

– Это сейчас не важно, – властно махнул рукой, затыкая меня. – Я помог ей с пьяным мужем. Она поблагодарила. Потом что-то еще писала по мелочи. Сегодня фотки с сабантуя у Озерских предложила прислать.

– И все?

Звучало все складно и гладко, а Кир был мега наглым и уверенным в своей правоте. И это бесило. Как же это бесило! Когда он вел себя как циничный наглец, мне безумно хотелось стереть с его лица снисходительную улыбку.

– Ты ревнуешь, что ли?

– Нет. Я просто не верю тебе. Я знаю тебя, Субботин, ты не будешь просто так общаться с левой бабой.

– Почему с левой? Она достаточно правая. Мария, я не бобыль, и мне приятно женское внимание. Тем более, когда бонусом идет ревность моей красавицы жены. Моей любимой сучки.

Ах, сучки! Мои губы растянулись в издевательской улыбке. Кирилл бесился. Но не ясно из-за моего недоверия или потому что есть, что скрывать?

– А может, твоей сучке-жене написать ее мужу Антону? – Кирилл, стоявший ко мне вполоборота, напрягся. Мощная

шая венами пошла. Но я не остановилась. – Семьями дружить начнем...

– Что ты сказала? – вкрадчиво поинтересовался, медленно ко мне подбираясь.

– Ты слышал.

– А ты повтори, – остановился совсем близко и сжал подбородок двумя пальцами. – Кому ты там напишешь? Маша, не шути со мной. Если я узнаю, что возле тебя мужики трутся...

– То что? – дернула головой. – Что, Кир? Если я буду просто общаться, – кавычки в воздухе нарисовала, – с мужчиной. Не знаю, со старыми друзьями с медицинского переписываться, фоточки слать, мемчики, то что? Шлюхой меня заклеямишь? Падшей женщиной? А тебе можно, да? Мужики все можно!

Я видела, как по его лицу мелькнула тень. Понял, что перегнул. Что ведет себя как шовинист. Или просто козел.

– Окей, Машка, я не буду ни с кем больше переписываться. Допрос окончен?

Я медленно кивнула. Он отошел, взлохматил короткие волосы и снова взял документы.

– Посмотри договор купли-продажи и подпиши согласие на покупку квартиры.

– Какой квартиры? – нахмурилась я. Ничего такого мы не планировали. Разве такие серьезные покупки не стоит обсуждать?

– Хорошие предложение, я решил взять.

– Но зачем нам квартира?

Я не то чтобы против, но с чего вдруг, да так резко?! Со мной ничего не обсудил. Для каких дел ему нужна квартира?

– Вдруг снова отселишь меня. Не хочу отца беспокоить, – сказал с таким едким сарказмом, что слушать больно.

– Но...

– Машка, – оборвал жестко, – подпиши и не еби мозги. Я устал от тебя уже.

Кирилл пошел наверх, в душ. Я осталась стоять. Я не верила ему. Не знаю, на уровне сердца не верила. Муж что-то от меня скрывал. А ведь мне так и не хватило духу спросить... Главное, спросить.

А вы бы простили измену?

Вспомнила вопрос пациентки. Я не знала. Я до сих пор не знала...

Глава 8

Кирилл

По приглашению хорошего товарища еще со школьной скамьи, я приехал в ресторан на Саввинской набережной. Посмотрел на название «Zemlya Moscow» – очередной пафосный пиздец для ребят с Патриарших в розовых кроссовках и узких бабских джинсиках. Я мужчина простой, мне бы поесть вкусно и хватит. Но на Саввинке частенько бывать приходилось, много значных мест и нужных людей отдыхало. Тут и стриптиз, и девочки, и мальчики, и наркотики. Если все это не переходило границ, никто никакого не кошмарил. Депутатам же нужно где-то отдыхать.

Зашел внутрь и впечатление подтвердилось. Надеюсь, кормят здесь нормальными порциями. Меня отчего-то любили приглашать в мишленовские рестораны: еды с детский кулачок, а тарелка размером с Австралию!

– Здравствуй, братишка, – мы с Полонским крепко обнялись. – Ты как? Проблемы?

– Кирюх, мне скоро стыдно в глаза тебе будет смотреть. Видимся, только когда у меня жопа горит.

– Так огнетушитель для твоей задницы доставать или все норм?

– Норм, – довольно усмехнулся Вадим. – Я к тебе с бак-

пишем. Но давай сначала пожрем, а?

К нам подошла молоденькая девочка и очень широко улыбнулась:

– Чего желаете, господа? – ее взгляд бегал от меня к Вадиму и обратно. Не могла выбрать, кому ей лучше услужить было бы.

– Давай-ка, Карина, – прочитал на бейдже, – сооруди взрослым дядям покушать: закуски, хлеб, салатик какой-нибудь. На второе мне топленые щечки, но никакой тыквы. Картошку неси.

– Стейк из оленины, – перехватил инициативу Вадим. – Два безалкогольных пива. И по борщу, да? – на меня посмотрел.

Я кивнул. Борща можно.

– Сметану копченную или обычную? – уточнила официантка.

Я вздернул бровь – она смутилась. Ну какая копченая сметана, а?! Что у них в голове? Сметана должна быть жирной, а не копченой!

– Можно подавать по готовности?

– Можно.

– Приятного отдыха.

– Ну и что там у тебя за подгон? – перевел взгляд на Вадима.

Меня часто благодарили за решение проблем. Проблем разного характера: на кого-то из органов наезжали; кто-

то, наоборот, хотел, чтобы на конкретного человека или компанию наехали. Полонскому я помог чисто по-братски несколько раз. Но и сам в накладе не остался. Мы с ОБЭП чисто сработали: раскрыли реальную дагестанскую ОПГ, получили бонусы и звезды, ну и бизнес отжали, тот который прикрывал всю эту преступную схему. Надели на него федеральную покрывашку и сейчас получали со всего этого неплохие дивиденды. В общем, крутились потихоньку.

– Мы закончили строительство клубного дома, здесь, на Саввинке. Дом получился охуительный, и я оставил для тебя квартиру. Планировка, декор, сантехника – люксовый люкс.

– Да ты охренел! – я реально возмутился. – Мы вроде друзья, а ты меня как пузатого генерала с руки кормить собрался!

– Обижаешь, – попенял Вадим. – Я реально по-дружески. Тем более это не подарок, а деловая сделка. Я продаю тебе ее по себестоимости, – Вадим достал телефон и набрал сумму: сто пятьдесят миллионов. – А потом мы продаем ее пузатому генералу за поллярда. Все в шоколаде будем.

– Жучара, ты, конечно, Полонский. Бабки из воздуха делать умеешь. – Мы пожали руки. – Поедим и посмотрим квартиру. Может, я ее оставлю. Если там такой лютый люкс.

Мы поели и разошлись по машинам. Ехать три минуты, но мне потом в управление нужно. Я, прежде чем тронуться, телефон достал. Изначально думал, что будет сегодня часик, но теперь вряд ли. Поэтому написал Марине. Очень удобная

девочка. Всегда готова, на все согласна и никакой демонстрации характера. Ее реально устраивала связь, ограничившаяся только сексом. Мы не часто встречались, недолго и исключительно по моему желанию. Она всегда находила время, удобное для меня, естественно.

Сегодня не получится

Написал и поехал за тачкой Вадима. Мы заехали за шлагбаум и поднялись на седьмой этаж. Квартира реально была очень симпатичной. Большая светлая трешка, с пятиметровыми потолками и смелой отделкой. Я вообще по классике, но интересно. Машке точно понравится. Она любит всякое арт-деко и прочую красоту.

– Ну как? – довольно поинтересовался Вадим.

– Хорошая, – обвел взглядом гостиную. Хоть сейчас заезжай и живи. – Умеешь ты уговаривать. Что от меня нужно, кроме денег?

– Мои юристы обеспечат чистоту сделки, а тебе нужно нотариально заверенное согласие жены.

– У меня доверенность на совершение любых сделок. Но дай мне какую-нибудь бумажку, чтобы она подписала. Маше будет приятно, что ее согласие реально нужно.

– Ок. Сделаем. – Вадим с интересом взглянул на меня. – Что, проблемы с женой?

– Да как у всех. Со взаимопониманием тяжело.

Телефон снова пиликнул, я достал его:

Жаль ((

Ответила Марина.

Можно хотя бы фоточку белья скинуть, которое надеть собиралась?

Я не стал отвечать, потом. Мы с Вадимом сели за кухонный островок, и он достал из кейса «рыбу» договора. Так, для Машки. Пусть ознакомится, почитает, одобрит. Через полчаса попрощались, договорившись завтра пересечься у него в офисе. Я сел в машину и ответил на сообщение:

Присылай

Я не стал ждать, тронулся и на работу поехал. Если заскучаю, может, полистаю фоточки. Сегодня домой пораньше нужно. С женой обсудить покупку, да и соскучился. Мы с Илюхой раскручивали «жирную» корову, очень много времени туда уходило. Домой поздно приходил. С Мариной встречался в середине дня, если получалось, да и не часто: раз-два в неделю. Семейное время на нее не тратил. Так, иногда вместо спортзала использовал.

Я стоял в неплотной пробке на Садовом, когда вместо фо-

ток, Марина позвонила. Она знала, что этого делать нельзя. Но я все же ответил. Она понятливая, возможно, что-то срочное.

– Что?

– Кирилл, кое-что произошло. Я Машу сегодня видела...

Меня словно кувалдой по голове шибануло. Машка и Марина в принципе не должны находиться в одной плоскости. Я поставил еще одно условие: Абрамовы больше в нашей компании не появляются. Если Марина не сможет этого обеспечить, значит, будет послана нахер.

– Она прочитала твое смс. Случайно.

– Что?! – я резко дал руля, уходя в право. – Какого хрена?

– Кирилл, клянусь, что случайно. Она зашла в магазин, хотела белье посмотреть, кофе предложила выпить. Я ей показывала новую коллекцию на сайте и тут пришло сообщение от тебя.

Я остановился, выдохнул, взял себя в руки. Мне нужна холодная голова.

– Все рассказывай. Вплоть, блядь, до ее мимики.

Я слушал очень внимательно. Всего одно слово «присылай». Больше у Маши ничего не было. Но и это не мало. Она врач, все-таки. У нее такая интуиция... Плюс упорство. Машка умела быть подозрительной и мнительной. И меня она знала. Какие фотки, какие переписки! Это вообще не про меня. Обо мне везде должно быть минимум информации, тем более компрометирующей, а переписку с бабой

можно крутануть как угодно. Маша знала, что это ни в моем характере. Марине на телефон я программу установил, там каждый день зачистка, даже если сама захочет сохранить что-то – не выйдет.

– Слушай сюда, – прервал поток извинений, – молчи и не высывайся. Если появишься еще рядом с моей женой, закопаю.

Терпения стоять в пробке закончилось, поэтому достал мигалку. Я делал это крайне редко, но делал. Народ и так бузит, что силовики и чиновники много вольностей себе позволяли. Я был согласен. Я вообще за умеренность в аппетитах. Но сегодня особенный случай. Очень хуевый день.

Когда Маша позвонила, я точно знал, как нужно себя вести. Как невиновный. Но так нужно не просто изображать, так нужно чувствовать. С этим сложнее. Я виноват. Поддался слабости. Решил проблему с женой путем наименьшего сопротивления. Но и Машкина вина в этом была! Если бы она не забывала обо мне, моих потребностях и желаниях, ничего бы этого не было! Я жену люблю, другую женщину на ее месте не рассматривал даже, но она порой такая бесячая и упертая, такая деловая вся, что не подступиться. С ней сложно стало, и я нашел вариант разгрузиться. Не самый лучший, но, черт, у мужиков такое бывает! Мы порой тупые. На это нужно делать скидку!

– Привет, Маха.

Мы оба делали вид, что ничего не произошло. Возможно,

Маша включит мудрую женщину и вообще эту тему поднимать не станет. Но если я хоть чуть-чуть знал собственную жену, то она устроить мне экзекуцию, медленную и мучительную. Скандал по телефону – не ее уровень.

Дома Маша тянула максимально. Думала, что не показывает, насколько напряжена, но это сквозило в каждом движении. Я был спокоен. До поры до времени...

– Может, твоей жене-сучке позвонить ее мужу? – выдала с самой сучьей своей улыбкой. С той, которую я хотел об себя размазать, разбить и вынуть милую хрупкой девочку Машу. Но у меня никогда не получалось стереть ее, поэтому я жестко брал свою сучку-жену: чтобы в пол смотрела, чтобы волосы трещали на моем кулаке, чтобы венка на шее отбивала чечетку.

Я на мгновение представил, что моя Машка просто думает о другом мужике, и пропал. Такой пеленой ярости затянуло, что все алым перед глазами стало. И только Машка была голосом разума. Чувствовала, когда меня уносит, когда человек, с которым можно говорить, пропадает, оставляя на хозяйстве зверя. Медведя, опасного дикого хищника.

В общем, поговорили мы хуево. Я сорвался. Она тоже. Документы, кстати, подписала, но Маша совсем не рада была. Ну да, не сказал, не посоветовался. Я и сам только сегодня узнал! Но, естественно, в запале ничего объяснять не стал. Маша тоже больше не говорила со мной.

Я повернулся к ней. Заснуть не мог, хотя уже светать на-

чинало. Она тоже не спала. Я просто ощущал это на языке эмоций. Смятение, страх, неизвестность – это сейчас ее мучало. Она не поверила, а я не находил в себе сил коснуться ее и сказать, как люблю. Потому что следом необходимо убедить, что у меня ничего нет, не было и не будет с Мариной. Я ведь не лгал, отвечая на вопросы, но как мерзко не договаривал, а Машка не спросила напрямую. Боялась. Надеюсь, и не спросит. Мы переживем это. Мы семья, по-другому никак.

Утром я ждал на парковке у ТЦ Марину. С ней нужно решать. Когда она остановилась через ряд от меня, посигналил, привлекая внимание. Ее лицо посветлело. Это ненадолго. Неужели думала, что я ей спасибо за подставу приехал сказать?

– Привет, – потянулась к моей щеке, но я головой дернул. – Кирилл, я клянусь, что случайно. Я не хотела, чтобы у тебя были проблемы из-за меня.

– Не хотела, значит... – проговорил, языком ощупывая каждую букву. Вспоминая последствия этой случайности. Ссору с женой. Машка утром была такой задумчиво потерянной, что не осмелился лезть к ней. Она стала какой-то другой. Мне это не нравилось. Я очень хотел знать, какие мысли терзали ее светлую голову и нежное сердце. – Марина, я предупреждал тебя, да? Говорил, что будет, если ты пойдешь против меня?

– Кир, я ничего не делала специально! Это случайность! – искренне сокрушалась Марина.

Я повернулся к ней, внимательно осмотрел: напряженная, нервная, испуганная. Она боялась меня. Но все равно тянулась. Даже сейчас дрожала, но в глаза заглядывала с обреченной преданностью. Могла ли у нее в голове родиться идея развести меня с женой, чтобы потом... Что? Марина вполне себе адекватная реалистка и прекрасно усвоила за нашу недолгую связь, что это невозможно. Не интересно мне это. Только одна женщина смогла добиться от меня колечко на палец, остальные мимо.

– Не истери, – бросил, к окну отворачиваясь. – Убивать тебя не буду. Я ж не бандит какой-нибудь. Но запомни: Маша даже случайно больше с тобой встречаться не должна. Ей нужно обо всем забыть. Тебя видеть больше не хочу, это ясно? Исчезни.

– А мы с тобой?

Я реально не понял, о чем она.

– Мы временно расстаемся, пока все не уляжется?

– О чем ты вообще?! Между нами ничего нет, не было и быть не может. Я женатый человек. Все, пошла.

– Кирилл, пожалуйста. Я буду осторожной, обещаю...

– У тебя три секунды, чтобы убраться, затем я решу, что ты проблема. А проблемы лучше всего топить.

Она ушла. Я надеялся, что на этом мои проблемы с Машкой закончатся. Но нет, они только начинались...

Глава 9

Маша

Через три недели после бурного разговора с мужем, я, кажется, дошла до ручки. Середина августа, погода солнечная и теплая, но жара спала. Мы с друзьями семьями решили отдохнуть в Сколково: детям – хорошая площадка, аниматоры и вредная еда. Родителям – теннис, шезлонги, коктейли и высокая кухня. Это был первый совместный выезд после нашей ссоры.

Паша залез в кресло, я пристегнула его и села вперед. Кирилл что-то по телефону решал, стоя в стороне. Пока он не видел, быстро осмотрелась: открыла бардачок, подлокотник, проверила бока на предмет забытых трусов, помад или презервативов. Ничего такого, даже волос. Все, я становлюсь неадекватной ревливой женой.

– Поехали? – спросил Кир, глядя на меня прямым и очень тяжелым взглядом.

– Поехали, – я отвернулась к окну.

Я больше не могла расслабиться, когда он рядом. Меня мучили подозрения. Выедали изнутри. Когда его телефон лежал на столе, мне хотелось схватить его и проверить. Это абсолютно иррациональное для меня поведение. Да и головой понимала, что мой муж, служивший в свое время в раз-

ведке, прекрасно знал, как заметать следы. Если он не захочет, доказательств не найдет никто.

Это Марина спалилась. Если вообще там было, что скрывать. Но если все же было, то Субботин просто забыл, что все шито-крыто, только когда работали профессионалы...

Наши мужчины играли в теннис. А я пила коктейль и смотрела. Мне не хотелось браться за ракетку, хотя играла я неплохо. Паша с сыном Вяземских возился в интерактивной зоне, а крошка Мира спала в шезлонге. Мама ее, соответственно, наслаждалась последним летним солнцем.

Кирилл и Илюха были загляденье как хороши. Тестостерон и маскулинность так и перли. Местные охотницы на мужиков уже на низком старте: губы надули, ягодицы оттопырили, грудь до подбородка стояла. Глазомером оценили размер и фактуру. Уверена, они уже знали, кто и на какой машине приехал, семейное положение, сколько денег здесь тратят.

– Маш? Маша!

Я вздрогнула и повернулась к Соне. Не могла отвлечься от дурных мыслей. А еще мазохистская часть меня хотела, чтобы Абрамовы тоже приехали. Я думала, что если увижу их вместе, то все пойму. Но самая боль была в том, что мне было страшно понимать. Ведь после этого нужно принимать какое-то решение. Проглотить и смириться? Или начать новую жизнь? Шесть лет брака. Ребенок. Любовь. Ведь была же любовь. Была!

– Маш, все в порядке? – Соня обеспокоенно вглядывалась

в мое лицо.

Все ли в порядке? Три недели муж возвращался домой через раз. Говорил, что очень поздно освобождался, поэтому оставался в новой квартире – она ближе к управлению. Почему Кирилл так делал? Думаю, потому, что мы не занимались сексом все это время. Возможно, он догонялся. Но, скорее всего, не мог находиться со мной рядом. Мы не ругались. Я не пилила его и не изводила истериками, но между нами настолько бурлило молчаливое напряжение, что от одного прикосновения меня било током. Но это не возбуждало. Это пробивало между нами трещину за трещиной. Потому что я постоянно думала, что мой муж мог делать с другой женщиной все то, что делал со мной. Это выматывало. Между нами росло отчуждение. Каждый день давил страшной неотвратимостью. Дело уже не в предполагаемом загуле. Дело в нас. Мы становились чужими. Мы уже стали чужими...

– Не в порядке, – по щеке побежала усталая слеза, но я смахнула ее. – Нихрена не в порядке.

– Расскажешь?

– Не сейчас, – бросила взгляд на игравших мужчин, – давай завтра пообедаем вместе.

На том и порешили.

Я приехала на Лужнецкую набережную в два часа. Припарковала свою изящную s-ку мерседес между двумя Гелендвагенами и пошла через ухоженные газоны. Здесь классные детские площадки, сыну нравилось приезжать сюда и,

конечно, аквапарк. Но иногда ему вполне хватало носиться через уличный фонтан. Мокрым был до трусов!

Мы с Соней и Никой, моей подругой еще со студенчества, договорились посидеть на веранде одного модного рестораника. Они уже пришли и энергично махали мне рукой.

– Привет, девочки, – поздоровалась и упала в кресло. – Можно мне лимонад: клубника-маракуйя. Спасибо, – поблагодарила расторопного официанта.

Подруги смотрели выжидательно. Соня, как и я блондинка, только с длинными, практически до задницы волосами и большими голубыми глазами. Она напоминала куколку из детства, не Барби, конечно. «Барби» среди нас не было. Я была высокой и стройной блондинкой, но цвет у меня приближен к натуральному, ресницы, обычные, глаза серые. Симпатичная женщина, но никакой кукольности.

Ника, наоборот, с темным каре и озорными зелеными глазами. Мы с ней дружили с института, интернатура и ординатура вместе. Сейчас она работала акушером в хорошем перинатальном центре.

– Что на работе? – поинтересовалась я, оттягивая момент.
– Да, капец. Главврача меняют. Даже не знаю, что будет.
– Сонь, а ты Мирунчика, куда дела?
– С мамой оставила. Маш, ну не тяни. Что случилось-то? Это со службой, да? Узнала, что они снова в какую-то опасную опу влезли? Уже ведь не рабочие лошадки, при таких погонах, должностях, а все как пацаны молодые балаклавы

напрялят и... – Она чуть не разрыдалась. Она очень переживала за мужа. Были случаи, в прошлом, правда, когда Илье и его семье угрожали. Слава богу, до дела не дошло.

– Нет, это не связано с работой... Мне кажется, что Кирилл мне изменяет.

– Уф... – только и выдохнула Ника.

– В смысле изменяет? – не поняла Соня. – С кем?! Ты вообще, как додумалась до этого?!

– С Мариной.

– Какой Мариной? – спросила Ника.

– С Абрамовой, что ли? – Соня зрит в корень. – Да ну нафиг! – А нет, не зрит.

– Так, объясните, кто это такая! – оборвала Ника и на меня посмотрела. – Ну и как ты поняла это вообще?

Соня в общих чертах и рассказала. И Марину описала, несколько раз добавив, что она мне и в подметки не годилась. Нормальная она, милая и приятная внешность. Интересная женщина, что уж говорить.

– Около трех недель назад я заехала в «Авиа-парк», случайно Марину встретила, кофе предложила попить. Она мне показывала в телефоне новую коллекцию белья, и ей пришло сообщение от моего мужа.

– Какое? – девчонки спросили в один голос.

– «Присылай».

– Что присылай? – нахмурилась Соня.

– Если бы я знала... Марина говорила про какие-то фотки

с тусы у вас на даче, помнишь? Когда мы с Пашей в больнице были. А Кир...

– А он? – мягко подталкивала Ника. – Оправдывался?

– Кто? Субботин?! – саркастично воскликнула. – От него не дожدهшься. Сказал, что вроде что-то она ему писала. Что иногда он переписывается с ней. Нормально вообще?!

– С ней переписывается? Кирилл мне ни разу не написал, так мы пять лет дружим! – возмутилась Соня. – Он или звонит, или через тебя передает.

– Вот именно. Я знаю своего мужа, ну не будет он вести всякие переписочки. Не такой он человек, ну если только...

– Ты думаешь спит с ней? – Ника сжала мои пальцы.

– Не знаю... Я так и не спросила. Боюсь услышать правду. Дура я, да? Слабачка?

– Не говори глупости!

– Сонь, а когда он у вас был, может, ты заметила что-то?

Она задумалась и начала рассуждать вслух.

– Кирилл был недолго. Меньше часа. Не знаю, какие уж там фотографии Марина могла сделать, но она носила нарезку и лед Илье и Кириллу. Я еще помню попросила Алену, жену этого, – она щелкнула пальцами, – Сереги из Собственной безопасности. Марина вызвалась сама. Маш, но это ж ничего не доказывает.

– Ну, все ясно! – Ника хлопнула по столу. – Не скажу, что удивлена.

– В смысле? – подозрительно проговорила я. Что, мой муж

ходок и только я не знала?!

– Маш, есть мужики, про которых только так «Да быть такого не может!», а Кирилл у тебя всегда был «плохим» парнем. За такими очередь стоит, чтобы хотя бы разочек «прокатил». Может, и Марина эта набивалась к нему в любовницы. И, уверена, ни она одна, но самое важно другое, надо ли это самому Кириллу... Помнишь, как он забирал тебя со смены, а медсестры чуть ли из халатов не выпрыгивали...

Да, меня все девчонки в отделении спрашивали, что за brutальный самец меня караулит у больницы. Замучили намеками. А ведь мы могли никогда с Кириллом не пересечься. Мы ведь совершенно разные...

Москва, семь лет назад

– Ну что, товарищи, может по шаурме вдарим?

– Да какая шаурма, дядь Леш. Два часа ночи. А вот по кофе можно. Ты как, Вань? Кофе будешь? Здесь круглосуточный Макдональдс в двух кварталах, – предложила фельдшеру. Прошла уже минута, а на новый вызов не направили, может, успеем взбодриться? Сегодня меня поставили дежурить в карету скорой помощи. У моего куратора специфическое чувство юмора. Бельский считал меня комнатным цветочком, поэтому всячески, не гнушаясь способов, вытаскивал из зоны комфорта. Вот и сейчас полночи колесила по северу Москвы. Вызовы обычные, ничего сложного: у кого

температура не сбивается, у кого после злоупотребления алкоголем поджелудочная махнула рукой, роды, в конце концов, но это сто процентов моя тема. В общем, нормально. Да и напарник с водителем попались адекватные и веселые.

– Давайте по кофе, до пересмены еще пять часов.

Мы стояли у старой пятиэтажной панельки, в спальном районе за МКАДом. Бабушке плохо стало: она уже умирать собралась, но обошлось все. Давление резко упало.

– Химки. Маяковского 16/9, Огнестрел. Ранен сотрудник федеральной службы, – затрещала рация.

– «Ласточка 11» свободна, – передал Ваня. – Будем на месте через три минуты. Гони, дядя Леша.

Мы сразу поняли, что приехали по адресу. Проблесковые маячки вместе с сиреной разрезали ночь. В тусклом свете фонарей видно было как из окон свешивались фигуры жильцов. Любопытные. Черт, что здесь произошло? Много машин. От обычных служебных до очень пафосных. Я и марок таких не знала.

– Скорая помощь! – крикнул Иван. Нас сразу взяли в оборот и подвели к группе мужчин. Кто-то выглядел, как президент России, не меньше; кто-то как бандит из девяностых. Здоровые, с коротким ежиком волос и горой мышц. Много спецназовцев с автоматами. Ничего мы так заехали, будет, что вспомнить.

– О, по твою душу, Субботин! – сказал серьезный дяденька в черном костюме. – Подлечите нам бойца, эскулапы.

– Да на мне как на собаке, – пошутил тот самый Субботин, но послушно залез в машину. – Пусть девушка осмотрит, – приказал сходу. Иван, естественно, не стал слушать. – Я сказал девушка, – достаточно жестко повторил наш капризный пациент.

Мы переглянулись. Я сама убрала наложенный на предплечье жгут. Профессионально сработано.

– Вы молодец, – почему-то не сомневалась, что он знал, как оказывать первую помощь.

– Я рад, что тебе нравится, – улыбнулся нахально. Каза-
нова, блин.

– Маша, пуля на вылет прошла, – помогал Иван.

– Да, Маш, прошла. Не надо, – отрицательно кивнул на шприц с обезболивающим. – У меня дела еще.

– Вам покой нужен. Сейчас будет больно. – Я начала очищать рану.

– Машка, ну ты хоть подуй! – возмутился, будто мы живем с ним вместе лет пять, не меньше.

Я не реагировала. Правда, когда обрабатывала антисептиком, все же подула. Кровотечение остановлено, давящая повязка наложена. Ранение не сложное, пациент в сознании и даже шутит.

– Завтра с утра приезжайте на перевязку. Мы передадим актив в стационар. И возьмите, – я протянула блистер с обезболивающим. – Рука будет болеть, увы и ах.

– Машка, давай к тебе завтра заскочу, и ты перевяжешь?

– Я вообще акушер-гинеколог, вряд ли мы с вами еще встретимся. До свидания.

В следующий раз я его увидела через два дня. Меня наконец отпустили в восемь вечера. Я была молодцом и умудрилась не попасть на дежурство.

– Привет, Машка, – Кирилл Субботин стоял у черного томированного Гелендвагена и самоуверенно улыбался. В нем было все, что мне не нравилось в мужчинах: от вопиющей наглости и вседозволенности до внешности. Слишком большой, давящий, с тяжелой истово мужской энергетикой. Мне даже машина его не нравилась. Какая-то бандитская! Но в Кирилле было то единственное, против чего не могла устоять ни одна хорошая девочка. Плохой мальчик.

– Как ваша рука? – спросила, приблизившись. Убегать не собиралась. Догонит.

– Твоей заботой, Машка. Поехали, покормлю тебя.

– Спасибо, но я не есть, а спать хочу.

– Спать так спать, – и дверь передо мной открыл. Я не хотела выглядеть ломающейся девицей. Хочет подвезти, пускай. Не дети же.

Кирилл все же смог уговорить меня поужинать с ним. Так, поговорили... обо мне. О себе он давал информации крайне мало. Прямо спецгент. Зато смотрел так, что сомнений в его желаниях не оставалось. На третьем свидании так и сказал.

– Машка, я хочу тебя.

Мы как раз заехали в ворота каких-то частных угодий. По-

другому и не скажешь! Огромная территория с зелеными газонами, деревьями, строениями.

– Когда-нибудь стреляла?

Я отрицательно покачала головой. Мы оказались на стрельбище или полигоне. Кирилл расстелил плед и достал корзину с продуктами. Он обещал мне пикник. А сейчас я стояла с пистолетом в руках, наушниках, очках и целилась в круглую мишень.

– Он боевой? – спросила, с трудом удерживая руку на весу.

– Нет, травмат. Боевой тебе рано. – Кирилл стал сзади, очень близко. Я чувствовала его горячее тело и жаркое дыхание. – Передерни затвор. Совмести мушку и целик. Вдохни глубоко и, – я повторяла за ним, как замороженная, – удержи дыхание, – и в самое ухо, – стреляй, Машка...

Я нажала на спусковой крючок. Отдачей тряхнуло неожиданно, но Кирилл прижал меня к себе и руками забрался под светлый топ. Грудь сжал. Я все еще пыталась целиться, но лифчик болтался на руках, а ловкие пальцы крутили соски.

– Машка, какие у тебя классные сиськи, – покусывал шею. Затем к пуговице на шортах потянулся. Стянул до колен вместе с трусиками. Ягодицы мять начал. Гладить между ног. – И задница классная.

Кирилл отстранился на мгновение и прижался уже голой грудью. Он собрал пальцами мою смазку и размазал по бедрам. Ягодиц коснулась напряженная плоть. Кирилл был на-

много выше — я едва до плеча могла ему достать, хоть и сама совсем не маленькая. Он провел членом по моей пояснице и забрал пистолет.

— Я хочу видеть твои глаза, когда войду в первый раз... — и рывком стянул с меня топ вместе с лифчиком. Повернул, впечатал в грудь, губы жадно нашел. Шорты с трусами болтались на одной ноге, поэтому я легко запрыгнула на Кирилла, ногами талию обхватила, об обжигающую головку промежностью потерлась. Я никогда с такой дикой яркостью не хотела мужчину. Понимала, что это только секс. Что большего быть не может, но так отчаянно стремилась к нему.

Подо мной тихо урчал мотор, грел спину капот. Да наш первый секс произошел именно так. Я вздрогнула, когда Кирилл ворвался на всю длину. Это был очень большой мужчина, и член у него был соответствующий. Мне шел двадцать четвертый год, и я была совсем не девственницей, но меня заново растягивали: с тянущей болью и сладким наслаждением.

Кирилл большим пальцем доводил мой клитор до исступления и трахал. Господи, как он меня трахал! Ничего более цензурного на ум не приходило. Возможно, нас даже видели, но мне было все равно.

— Машка... — прорычал он и достал член, рывком презерватив снял и начал кончать мне на лобок, размазывая свое семя по животу и бокам. — Моя, — склонился и за сосок укусил. — Моя.

Мы лежали на покрывале, голые и расслабленные, смотрели на летнее небо и молчали. Не хотелось уходить, но нужно. Я чмокнула Кирилла в губы и поднялась. Вещи свои по газону собрала и демонстративно одеваться начала. У меня хорошее тело, стесняться нечего.

– Ты куда, Машка?

– Мне на работу нужно. Ночная сегодня.

Кирилл поднялся. Ему тоже нечего было стесняться. Таких мужчин я видела только в кино. Высокий, мускулистый, сильный и мощный. Медведь. Маша и Медведь.

– Отвезу тебя, – и подошел сзади шортики приспустил снова. – Давай еще разочек и поедem, м? – вроде спрашивал, но согласие не нужно было. Надавил на поясницу, чтобы прогнулась, ноги развел, а дальше только стоны и частое дыхание. Его машина стала моей Альяма Матер.

Если честно, думала, что больше Субботина, капитана федеральной службы безопасности не увижу – что хотел, получил. Но между нами завязался бурный роман. Вспыхнул, как вымоченная в бензине спичка. Это было настолько невероятно, что в голове не укладывалось. Я – будущий врач, дочка московской профессуры. Он – силовик, огромный, сильный, наглый. В его семье чины, звания, погоны, власть и деньги. Много денег. Мы были как инь и янь и все же тянулись друг к другу.

Кирилл учил меня, заучку из меда, развлекаться: клубы, гонки, тусовки. Риск, опасность, адреналин. Секс. Много.

Разного. Это страсть ради страсти. Чистой, незамутненной эмоциями. Огонь, который сметал любой протест. Я не позволяла себе влюбляться в Кирилла, потому что была уверена, что мы обязательно закончимся. Что так ярко гореть долго просто невозможно. А на едва шипящее тление такой мужчина не согласится.

Так и вышло. Через полгода Кирилл просто пропал. Я знала, что у него карьера в ФСБ набирала обороты. Большого он не рассказывал, а я не спрашивала. Я помнила его ранение и осознавала, что его служба опасна, но Кириллу не нравилось, когда я была грустна или волновалась.

Через два месяца после его исчезновения, я рыдала над тестом на беременность, положительным, конечно же. У меня ординатура, карьера, планы! Я не готова. Совсем не готова! Ну какая из меня мать?! От Кирилла не было ни одного звонка. Я не знала, где он и с кем. Мне было страшно. Очень страшно.

Да, я акушер-гинеколог решилась на аборт. Та, которая должна помогать детям рождаться, собиралась своего убить.

Я вышла из дома, к папиной тойоте подошла. Я выбрала клинику. Ту, где никого не знала. Я не хотела, чтобы хоть кто-то был в курсе моей проблемы. Щелкнула сигнализацию и ощутила его руки у себя на талии. Запах горячего песка и ветра, странствий и опасности. Острая щетина пощекотала затылок.

– Привет, Машка. Твой Медведь вернулся.

Я повернулась и бросилась ему на шею. Живой! Приехал! Я повисла на нем и разрыдалась. Все рассказала. Кирилл нашел выход. Я стала госпожой Субботиной...

Наши дни

– Что будешь делать? – участливо спросила Соня.

Я не знала, но так больше жить не могла.

– Поговорю. Спрошу по-честному. Мы сейчас в такой атмосфере живем, что, кроме правды, ничего не поможет. Спрошу, если Кир домой сегодня изволит явиться.

– И часто он... отсутствует? – сухо поинтересовалась Ника.

Я пожала плечами. Время от времени.

– Думаешь с ней?

– Думаю, он со мной больше не может. Как и я с ним.

– Машунь, ну а если да... то что? Неужели расстанетесь?

– Не знаю... Не знаю... Но так больше не могу.

Этой ночью муж вернулся домой. Было около десяти. Я уже уложила Пашу. Отец и сын теперь виделись иногда по выходным. Для Кира не было понятий суббот и воскресений в общепринятом значении. Поэтому сейчас получалось иногда, а иногда нет. Не знаю, намеренно или нет, но он отдалялся от нас. Возможно, чтобы легче уйти, когда решится...

– Можно? – я даже постучала в дверь, прежде чем войти в кабинет. Он всегда был заперт, если внутри не было хозяина.

Кирилл иногда ездил на охоту, поэтому здесь в специальном шкафу хранились ружья и не только. На все, естественно, было разрешение и управлялся с оружием Кир профессионально, но у нас маленький ребенок, и мы перестраховывались.

– Заходи, – проговорил, не поднимая глаз от пистолета. Кирилл, когда нервничал, чистил оружие. Вот и сейчас... чистил.

– Кир, я больше так не могу.

Я вошла. Меня под дых ударило от гудящего напряжения. В воздухе разливалось что-то обреченно жгучее. С каждым вздохом обжигало душу и сердце. И еще тлен. Вот значит, как пахнет безнадежность. Уверена, сейчас он не солжет мне. Ложь убьет нас обоих.

– Ты изменял мне? Ответь, прошу. Спаси меня от подозрений.

Он медленно поднял на меня глаза, отложил пистолет и встал. Вышел из-за стола и оперся о крышку, сложив руки на груди.

– Просто скажи правду.

Глава 10

Кирилл

– Да.

Я тоже больше так не мог. Я домой приходить не мог! На работе пропадал, потом в квартиру на Саввинке ехал: отсыпался и снова в управление. Я скучал по Машке. По своей Машке! А эта совсем чужая. Эта сжималась от любого, даже самого невинного прикосновения. Моего прикосновения! Я перестал спать с женой. Я не чувствовал больше себя ее частью. Она ничего не говорила, не устраивала истерик, но также и не звонила мне, не интересовалась моими делами. Заботилась как-то по инерции. Машка ведь не знала про Марину точно. Только догадываться могла и варилась в своих мыслях. Она не спрашивала напрямую. Я тоже не собирался начинать первым этот разговор. Но и врать не хотел. Я люблю Машку, но так больше жить нельзя. Мы должны что-то решить. Я поступил плохо, нашел самый легкий выход из кризиса, но я сделал это не от скуки или банального кобелизма. В моей измене и ее вина была. Муж и жена ведь одна сатана, верно?

– Да, я тебе изменил.

– С ней? – поразительно спокойно уточнила. И меня это бесило. Эта холодность. Эта отстраненность. Ей говорят про

измену, а она даже по морде дать не хочет!

– Да, Маш, с ней! Я месяц трахался с Мариной. Потому что я заебался! Ты вечно занята. Вечно в мыле!

– То есть это я виновата? Ты, сволочь, спал с другой женщиной, а виновата я? Потому что сыном нашим, домом занималась. Тобой занималась ведь.

– Нет! – прервал жестко. – Мной ты давно не занималась! Я не люблю Марину. И я порвал с ней после нашего разговора. Я признаю, что поступил плохо, но я мужик: мне нужен нормальный секс и внимание. Это важно, Машка. Для крепкого брака это важно.

– Я тебя услышала, – медленно проговорила. – Для крепкого брака важен секс с Мариной. Интересная теория, – она как деревянная кукла развернулась, уйти попыталась, но я не дал. Бросился к ней, за плечи развернул. Мы не договорили! Пришло время высказать все.

– Я не искал бабу, но не отказался, когда подвернулась! Я хотел развеяться. Встряхнуться. Думал, это поможет перестать злиться. Ты раздражаешь меня, Машка. Бесишь. Я не хочу развода. Я изменил не для того, чтобы строить с отношения с кем-то другим. Но честно говорю, что между нами что-то сломалось. Я устал от такого брака. Я хочу рядом ту женщину, на которой женился, а не эту.

– Устал, значит... От нашего брака, от меня, от Пашки.

– Я не говорил про сына, – возразил резко, но кольнуло. Возможно, правдой.

– Да это и так понятно, – бросила с презрением. – Ну ладно, если ты такой вольный ветерок, лети.

– В смысле? – не понял я.

– В смысле проваливай отсюда! Уходи! Устал – иди отдохай, а мы скучные и загнанные как-нибудь без тебя разберемся.

– Выгоняешь? – усмехнулся я. – Из моего же дома?

– Хорошо. Я соберу наши с Пашей вещи, и мы уедем, а ты живи в своем доме, – снова захотела обойти меня. Нет, так не пойдет. Я загородил проход.

– Ты не поняла, Машка. Я тебя не отпускаю. Я люблю тебя. Нам нужно подумать, как нам жить дальше, – и руки на плечи положил. Примирительно.

– Я и так знаю, как нам жить, – скинула мои ладони. – Никак! Либо ты уходишь, либо мы! Я видеть тебя не могу! Ты ж с ней спал и ко мне приходил! Ведь было? Трахал меня сразу после нее? – и толкнула меня в грудь. – Отвечай!

Я молчал. На такие вопросы ни одна женщина не хотела слышать правдивый ответ.

– Что молчишь? Трусишь? Смелости не хватает признать...

– Да! – крикнул я. – Было!

– Скотина. Какая же ты скотина, Субботин, – ее голос набирал обороты. Машка не орала, но каждое слово, как выстрел. Не думал я, что наш разговор будет протекать в таком ключе. – Пошел вон.

Я никогда не отступал и сейчас не собирался. Да, ей сейчас больно и обидно, но это пройдет. А если уйду, не смогу контролировать жену. Потеряю ее. А я не могу. Я не хочу!

– Я никуда не уйду. И вы тоже. Мы сейчас успокоимся, а завтра все обсудим на свежую голову...

– Да пошел ты! – Машка бросилась к выходу, но я поймал. – Пусти! – едва спас глаза от ногтей, когда вырываться начала, дубася, куда попадет. – Пусти, сказала!

Я подчинился, но был готов, что снова сорвется. Так и вышло. Только бросилась ни к выходу, а к столу. И схватила мой пистолет...

– Не наводи оружие на человека, если не собираешься стрелять.

– Уходи, – ее рука была тверда. Хрупкая и тонкая, с длинными пальцами и парой изящных колец, одно из них обручальное. Я бы принял от нее смерть.

– Так ты убить меня хочешь? – изумленно изогнул бровь. – Тогда сними с предохранителя.

Маша сделала это на автомате, привычным отточенным движением. Я сам учил ее.

– Давай, Машка, – а сам медленно приближался к ней.

– Не подходи, – выдохнула, мелко подрагивая. Я видел испарину над верхней губой. Румянец на щеках. Светлые, от природы вьющиеся волосы, разметались по плечам. Красавица. Машка сучка еще та, но какая красивая. Устал ли я от нее? Как еще десять минут назад заявлял. Вряд ли. Зацепить

хотел. Наоборот, я соскучился по ней. По ее любви, ласке, вниманию.

– Вот сюда, Маш, – ствол в грудь уперся. Поправил так, чтобы точно в сердце. – Один выстрел и все закончится.

Ее руки дрожали, а у меня в крови такой адреналин. Я ни в чем не уверен. Сейчас моя жена решала. Это возбуждало.

– Ты больной, – прошептала, не сдерживая злые слезы, и пистолет в потолок направила, ставя на предохранитель. Я хмыкнул и выбил его из рук – профессиональный инстинкт. В зудящей тишине ствол ударил об пол слишком громко.

– Знаешь что, девочка, – обхватил нежное личико огромными ладонями, – я напомним тебе, как это быть моей женщиной.

– Не смей, – выдохнула и попыталась вырвать голову. – Не смей...

– Ты моя, Машка. Моя! – и я набросился на ее губы, стягивая домашнее платье.

– Не надо! – она пыталась вырваться, но не кричала. «Яж-мать» внутри не позволяла ребенка беспокоить. Мы оба упали на ковер: Машка затихла, придавленная моим весом. Я дернул платье и стянул трусики до колен. Вздернул ягодицы вверх и рывком раздвинул ноги.

– Я не хочу! Перестань!

Хочет. Я докажу ей, что она тоже хочет. Я не собирался брать ее на сухую, поэтому провел языком по нежным складкам.

– Не смей... – жена из последних сил пыталась свести бедра, но я был сильнее. Машка сопротивлялась, потому что была обижена, но ей, нам обоим, просто необходимо вспомнить, что мы муж и жена. Которые и в горе, и в радости.

Я вылизывал ее промежность, трахал языком и пальцами, кайфовал от пьянящей сладости ее соков. Она текла, лавой неземной взрывалась. Машка затихла: не вырывалась, но и не поощряла меня. Гордая.

– Маш, я люблю тебя, – прорычал, когда вошел в нее. Не мог больше сдерживаться. Мне необходимо снова сделать ее своей. Я обхватил ладонями гладкие бедра и резко насаживал на себя, с громкими шлепками врезаясь в упругие ягодицы. Тугие горячие стенки обхватили член, выдавливая до последней капли все, что я мог ей дать. Я уже кончил, но не мог остановиться, продолжал двигаться в ней, замороженный видом ее смазки и моей спермы, капающей на ковер. Хорошо. Как давно мне не было по-настоящему хорошо. Эта ложь и меня измотала.

– Маш, – я повернул голову, хотел к себе жену притянуть, поцеловать нежно. Показать, что люблю. Да, ошибся. Во многом. Херни наговорил, но это не потому что не люблю. – Маш... – рука повисла в воздухе. Она плакала. Моя Машка плакала, тихо, но так горько. Взгляд скользнул по хрупкой полураздетой фигурке и выхватил счесанные колени. Это я так ее... – Прости, девочка моя, я не хотел, – на руки собирался взять, но она свернулась клубком и подтяну-

ла ноги к груди. Поза младенца. Защитная. От меня защищалась.

– Уйди, – тихо попросила.

– Машка, я не могу.

– Уйди! Уйди! Уйди! Уйди... – на четвертом голос упал для хриплого шепота. – Уйди или я реально убью тебя...

Я поднялся. Оправил одежду. Ключи сгреб. Тошно стало. До красной мути в глазах и желания выблевать внутренности. Что ж я наделал... Поднял пистолет. Это по инерции, профдеформация, мысли совсем о другом были. Что я сделал со своей Машкой... Со своей нестигаемой женой... Я ж поломал ее...

– Маш...

Она продолжала тихо лежать на полу.

– Машка...

Она не отвечала, только тихо плакала. И я ушел. Уехал из своего дома с ощущением, что я полном дерьме.

Глава 11

Маша

Я лежала на полу и смотрела на шкаф, где стояли ружья. Я ни о чем не думала. Пусто. Мой мозг заблокировал все, сберег психику, сузив точку восприятия реальности до устойчивой опоры: темный прямоугольник. Я цеплялась за него, чтобы не уплыть в бесконечность. Я не хотела вспоминать. Просто тихо лежала. Закрыла глаза и молча умирала. Но что-то внутри меня билось и надеялось, что когда снова открою глаза, то будет не так больно. Или вообще не будет. Ничего не будет.

– Мама... – мое забвение разлетелось в мелкую крошку. – Мам, почему ты здесь лежишь? – сын чуть не плакал.

Мой мозг включился и лихорадочно заработал: со всей ужасающей правдой, с острой болью и кричащим разочарованием. Самым огромным в жизни. Хотелось орать и плакать. Крушить и ломать. Хотелось умереть. Но мне нужно жить. Есть ради кого. Во мне поднялась та самая сила и стойкость, которая, вероятно, заложена самой природой, чтобы женщина могла встать и пойти дальше, несмотря на весь ужас, который с ней мог сотворить мужчина.

– Мамочка просто упала, а ты что здесь делаешь? – спрашивала, судорожно поправляя платье. Паша не должен ви-

деть меня такой.

– Пласнулся, звал тебя и папу, потом встал. Я думал, вы меня бросили. Темно и никого нет.

– Нет, конечно, не бросили. Паш, хочешь мультики посмотреть?

– Хочу.

– Иди, включи телевизор, а я в ванную схожу и к тебе, ладно?

Он энергично закивал, но все равно смотрел испуганно. Чувствовал, что в этих стенах больше не безопасно. Потому что ни мира, ни согласия, ни любви больше здесь не живет.

Каких трудов мне стоило горьким пеплом не рассыпаться перед собственным сыном. Мне было больно на уровне души и сердца. А тело... Там унижение и стыд. Это пережить можно.

Я сбросила платье и белье, включила душ, взяла мочалку и терла, пока кожа не покраснела, болезненно припекая, соприкасаясь с горячей водой. Мне изменил муж. Меня практически изнасиловал муж. Часть меня до сих пор не верила в измену, хотя к этому я успела морально подготовиться. И все равно больно. Разве мой Кир мог так со мной поступить? Просто беспощадно об колени сломать? Он не только морально уничтожил меня своим поступком. Он и физически добил. Показал, как я ничтожна перед ним. Если мой муж чего-то хочет, то выбора у его женщины просто нет. Он возбудит и доведет до оргазма, только так грязно это, так мерзко

и противно. Не прощу. Этого оскорбления никогда не прощу!

Кирилл считал меня плохой женой, не той женщиной, которую он полюбил. Что же, надеюсь, он даст мне развод спокойно и быстро. После сегодняшней ночи у него просто нет права что-то требовать! Пусть гуляет, трахается, живет ярко и вольно, только не рядом со мной. Потому что нас больше нет. Возможно, нас давно уже нет...

Я вышла из ванной и слабо улыбнулась. Сын сидел в одежде и во все глаза смотрел мультфильмы. Конечно, когда такое было! Одиннадцать часов, а он не просто не в кровати, а еще и перед телевизором!

– Сынок, – я села рядом, – поедem к бабушке с дедушкой?

– Когда? – спросил, не отводя взгляда от Ниндзяго.

– Сейчас.

Паша повернулся, хлопнул длинными ресницами и нахмурился:

– А спать?

– Там ляжем.

– А папа где?

Я замаялась, взгляд отвела. Нам с сыном предстоял долгий и сложный разговор, но не сейчас. Я сама не готова к нему.

– Папы нет пока. Вот и мы скучать не будем. И Мию возьмем.

Я уверена на тысячу процентов, что если Кирилл вернется, то не отпустит. Физически уйти не позволит, а морально

все жилы вытянет. Он ведь себя даже виноватым особо не считал! Моя вина. А если вина моя, то куда я собралась?!

Мне главное уехать, выбраться, дальше легче будет. Там, на воле, я дышать смогу. Здесь больше невозможно, воспоминания душили. За это Кира я тоже ненавидела. Он забрал у меня все светлое, что мы здесь испытали. Очернил и в похоти извальял. В унижении и насилии. Я не могла назвать это изнасилованием, но согласия не давала. Я не хотела. Как можно желать мужчину, когда знаешь, что он изменял тебя?! Потом в глаза смотрел и о любви говорил. Мне стыдно, что я испытала удовольствие под ним, даже в такой унижительной ситуации.

Я достала три чемодана и утрамбовала их по максимуму. Остальное запихнула в пакеты. Кошку в переноску. Багажник еле закрылся. Кресло я переставил вперед, а сзади вещи и Мия. Не знаю, когда смогу снова приехать сюда. Я теперь боюсь нашего дома. И мужа боюсь. Я за Киром как за каменной стеной была. А теперь не понимала, чего еще можно ожидать от этого человека. Медведя. Опасного и сильного, но для меня доброго и ласкового. Теперь он хищник во всех смысла. А я его добыча. Кир так думает. Он ошибается. Я не жертва. И никогда ей не была. А еще я никогда не любила сглатывать и это не проглочу!

– Мамочка, привет, прости, что поздно, – говорила шепотом, потому что Паша уснул практически сразу.

– Случилось что-то? С Павлушей? Или с Кириллом?

Дочь, ну не молчи.

– Мы с Пашей к вам едем. Приготовь нам постель. Дома все расскажу.

– Ты пугаешь меня, Маша...

Я сама себя пугала. У меня перестало болеть. Глаза сухие. Душа не рвалась, отдаляясь от места, которое так давно стало мне домом. Кажется, я вообще перестала что-то чувствовать. Только когда на сына смотрела, внутри импульс бил, росток пробивался через горький тлен. Если душа женщины умирала, то повинен в этом только любимый ею мужчина. Но в моем сердце двое мужчин: мой маленький сын оживит мои чувства. После его рождения я точно знала, что меня всегда будет любить мужчина.

Мои родители были москвичами в седьмом поколении и квартиру на Садово-Спасской унаследовали от деда по отцу, который получил ее еще от Брежнева. Место у них было много, нам с сыном есть, где голову преклонить. Я не собиралась оставаться у них насовсем, рушить размеренный распорядок людей, привыкших к покою и тишине. Одно на выходных с внуком поиграть, а вот жить – это другое. Я не хотела быть обузой. Немного в себя приду и сразу квартиру сниму. Честно, я пока даже не представляла, как мы с Субботиным будем решать финансовый вопрос. Но я точно знала, что он не примет мое решение легко. Это значит, что сложно будет именно мне.

– Машенька! – мама испуганно притянула меня к себе,

когда папа, не проронив и звука, забрал у меня Пашу. – Что случилось, девочка моя?

– Мам, сделаешь чаю. Пить хочу.

Пока она колдовала на кухне, я думала, что рассказать. Нужно быть аккуратной. Папа и так Кира не жаловал, а если узнает... Если услышит все, то сильно расстроится. Ну и Субботину достанется, а мне в любом случае нужно будет поддерживать с ним человеческие отношения. Из-за Паши. Только из-за него.

– Я ушла от Кирилла, – объявила спокойно.

Мама ахнула и закрыла рукой рот. Удивлена.

– А что случилось-то?

– Он мне изменил. Я оказалась плохой женой. Не уделяла ему внимания. Нашлась та, что позаботились о нем.

– Это он тебе так сказал?

Я резко замерла, услышав властный голос отца. Блин!

– Пап, это между нами. Не бери в голову...

– Я так и знал! – горько констатировал. – Знал, что не создан твой Кирилл для семьи. Взял девчонку из хорошей семьи, поматросил и надоело.

– Пап, все не так. У нас с Киром было много хорошего. Одно из этого «хорошего» спит сейчас в гостиной.

– А, – махнул рукой и ушел. – Мы с твоей мамой тридцать пять лет и ни разу...

– Да иди уже! – шикнула мама. Папа у нас легко заводился, и только мама могла его успокоить. – Маш, он что выгнал

вас из дома?

Я грустно покачала головой.

– Сам ушел к ней?

– Нет, мам. Кирилл не знает, что мы уехали. Мы... Мы сильно поссорились, и я попросила его уйти. И сбежала. Мам, мы ненадолго. Я квартиру найду, и съедем с Пашей.

– Вот еще! – фыркнула она. – Вы останетесь у себя дома!

– Но мам...

– Ты, если хочешь, снимай квартиры, а мой внук будет жить в своем доме! А муж твой пусть катится колбаской! Плохая жена, видите ли! Пусть попробует найти лучше! С интересом посмотрю, – жестко иронизировала мама. – Жена – это не только постель. Жена – это душа мужчины. Пусть тогда ищет свою, раз не нашел еще.

– А я? – спросила тихо.

– Милая, – она накрыла мою руку своей, – ни одна женщина еще не пропала без мужика. А за тобой со школы портфели таскали. Одна не останешься. Захочешь, еще выйдешь замуж.

– Я не об этом, – покачала головой. – Как жить без сердца, мам?

– Иди, ложись, доча. Придет время, и ты все поймешь.

Мне постелили в моей старой спальне, которая сейчас исполняла функцию маминой отдушины со швейной машиной и корзинами с вязанием. Я решила лечь с сыном. Диван большой, поместимся. Мне хотелось жаться к теплему и родному

человеку в этом непредсказуемом и жестоком мире.

Утром я проснулась с тяжелой головой. Следы жестокой правды отпечатались на моем лице припухлыми веками и горькими складками возле губ. На бедрах несколько синяков от пальцев мужа. Я развела ноги и осмотрела внутреннюю сторону: вчера я совсем не чувствовала своего тела, сегодня между ног саднило. Про ссадины на коленях и говорить нечего, на них даже смотреть больно.

– Мерзавец, – тихо прошептала и умылась холодной водой.

С утра я со страхом ждала звонка Кирилла. Но пока тишина. Значит, не вернулся. Переживает. Несмотря на все, что Кир сделал, я знала, что он сейчас ощущал всю глубину мерзости своего поступка. Он не был злым по сути. Не получал удовольствия от страданий других людей. Он никогда не причинял боль мне. Ни физически, ни морально. Вчера он отыгрался за все годы брака. Думаю, ему тоже тошно от себя. Но это пройдет. Субботин умел договариваться со своей совестью. Вряд ли он понимал, что его желание встряхнуть наш брак таким способом, этот самый брак убило окончательно. Ничего не осталось. Только Паша. Ради него я попытаюсь остаться с Субботиным в сносных отношениях. Если бы не сын... Видеть мужа не могу... Ненавижу...

Пока родители занимались Пашей, я пыталась уложить в голове фронт задач. Сыну придется менять сад. Наш слишком далеко. Попробую влезть куда-нибудь в сентябре. Тут

осталась-то пара недель. У отца много знакомых в Министерстве образования, думаю, помогут. Вторым вопросом стоял развод. В понедельник в суд пойду. Это решение пришло сразу.

У меня спрашивали подруги, что буду делать, если узнаю, что муж реально мне изменил. Что мой Медведь спал с другой женщиной. Я не знала. Долго не могла определиться с ответом. А когда услышала от него... Когда представила их вместе... Как мой мужчина с наслаждением берет эту Марину, кончает бурно, рычит и стонет от оргазма. Когда говорил об этом с такой оглушающей наглостью, меня посмел обвинить, с барского плеча заявлял, что не будет разводиться, но нам что-то нужно менять... Тогда поняла, что с этим человеком мне не по пути. Видимо, шесть лет – наш предел, а потом неминуемое отчуждение. Быт и обыденность – самая сложная часть семейной жизни. Кир не смог вытянуть его и не разочароваться. Во мне, семье, доме. Возможно, даже в себе. Я верила ему, что он этого не искал. Вот такую легкую Марину, которая давала разрядку, не искал, но не стал сдерживать буйную натуру. Сначала Кирилл будет злиться и не желать отпускать меня, но потом поймет, что так ему только лучше. Я не жалела, что вышла за него замуж, мы были счастливы и любили, но все проходит. Теперь я это точно знала.

– Слушаю? – я набрала в легкие побольше воздуха и ответила на звонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.